

Научно-творческая конференция к 100-летию Виктора Петровича Астафьева

13 апреля 2024 года
Литературное объединение
Центральный Дом учёных
Москва

Віктор Петро́вич Аста́фьев

(1 мая 1924, Овсянка, Красноярский уезд, Енисейская губерния, СССР — 29 ноября 2001, Красноярск, Россия) —

советский и российский писатель, эссеист, драматург, сценарист.

Герой Социалистического Труда (1989), лауреат двух Государственных премий Российской Федерации (1995, 2003 — посмертно),

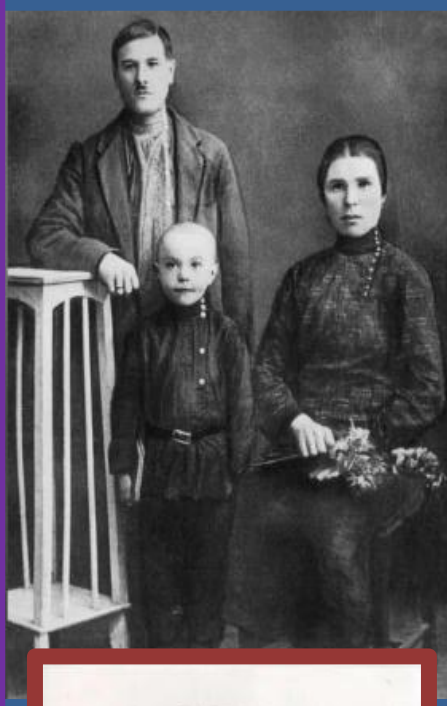
двух Государственных премий СССР (1978, 1991) и

Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1975), кавалер ордена Ленина (1989).

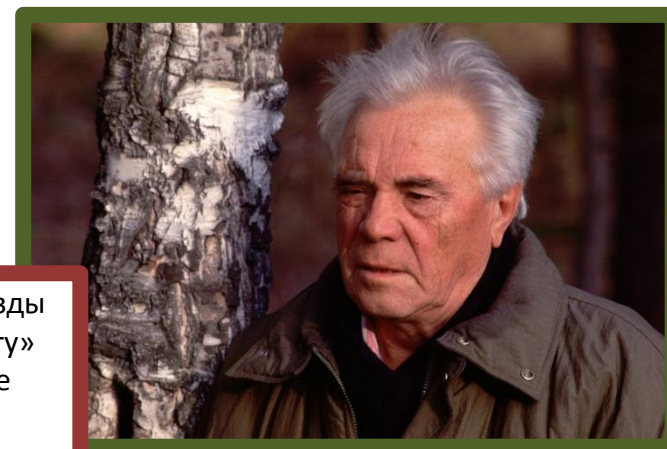
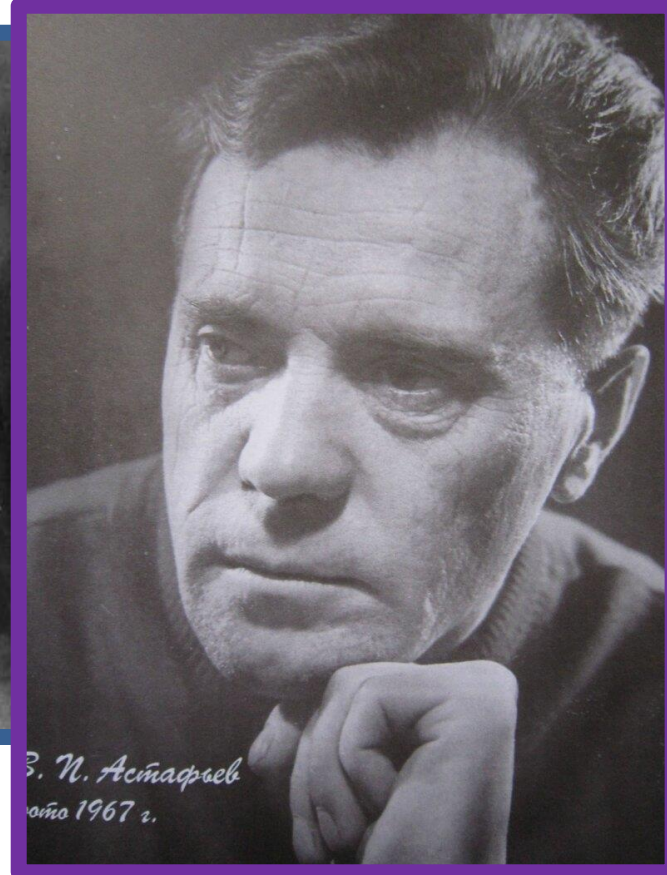
Член Союза писателей СССР.

С 1989 по 1991 год — народный депутат СССР.

Участник Великой Отечественной войны.

Награждён орденом Красной звезды (21.04.1944), медалями «За отвагу» (25.11.1943), «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

Виктор Петрович Астафьев родился [1](#) (по другим сведениям — [2](#)) мая 1924 года в селе [Овсянка](#) (ныне — [Красноярский край](#)) в семье Петра Павловича Астафьева (1901—1979) и Лидии Ильиничны Потылицыной (1902—1931). Он был третьим ребёнком в семье, однако две его старшие сестры умерли во младенчестве. Через несколько лет после рождения сына Пётр Астафьев был осуждён к лишению свободы за [вредительство](#). 12 июня 1931 года, во время очередной поездки Лидии Ильиничны к мужу, лодка, в которой среди прочих находилась и она, перевернулась. Лидия Ильинична упала в воду, ударилась головой о сплавную бону, зацепилась косой и утонула. Виктору тогда было семь лет. После того как отец Виктора вышел из тюрьмы и ещё раз женился, семья переехала в город [Игарка](#) Красноярского края. Когда отец попал в больницу, а новая семья отвернулась от Виктора, он оказался в буквальном смысле на улице. Несколько месяцев он жил в заброшенном здании, однако после серьёзного проступка в школе был направлен в [детский дом](#). В 1941 году окончил шесть классов и устроился на кирпичный завод коновозчиком. Заработав денег на пароходный билет, выехал из Игарки в [Красноярск](#). Окончив [школу ФЗО](#) и получив специальность *составитель поездов*, работал на [станции Базаиха сцепщиком](#) и составителем, [дежурным по станции](#).

В 1942 году ушёл добровольцем на фронт, хотя как железнодорожник имел бронь. Призван Советским РВК Красноярского края. Военную подготовку получил в учебном автомобильном подразделении в [Новосибирске](#). Весной 1943 года был направлен в действующую армию. Был шофёром, связистом 92-й тяжёлой гаубичной артиллерийской бригады 17-й артиллерийской дивизии прорыва Резерва Главного Командования (РГК), в июле 1943 года — участник прорыва северного фланга на Курской дуге, после тяжёлого ранения ([контузия](#)) в апреле 1945 года служил во [внутренних войсках](#) на [Западной Украине](#) во Львове. 14 марта 1945 года из [эвакогоспиталя](#) (ЭГ) № 5438 прибыл в 15 запасную стрелковую дивизию (ЗСД), затем — на Краснодарский военно-пересыльный пункт (ВПП), а оттуда поступил в Полтавскую высшую школу штурманов (ПВШШ) авиации ВВС (с 1941 года в [Краснодаре](#)). Был награждён [орденом Красной звезды](#) (21.04.1944), медалями «[За отвагу](#)» (25.11.1943), «[За освобождение Варшавы](#)» и «[За победу над Германией](#)».

Демобилизовался в 1945 году и уехал в город [Чусовой Молотовской области](#) (ныне — [Пермский край](#)). Там работал слесарем, подсобным рабочим, учителем, дежурным по вокзалу, кладовщиком. В том же году женился на [Марии Семёновне Корякиной](#). У них было трое детей: дочери Лидия (родилась и умерла в 1947 году) и Ирина (1948—1987) и сын Андрей (родился в 1950 году). С 1951 года работал в редакции газеты «Чусовской рабочий», где впервые опубликовал свой рассказ («Гражданский человек»). Писал репортажи, статьи, рассказы. Первая его книга «До будущей весны» вышла в [Молотове](#) (ныне — Пермь) в 1953 году. В 1958 году принят в [Союз писателей СССР](#).

В 1959—1961 годах учился на [Высших литературных курсах в Москве](#).

В 1962 году переехал в [Пермь](#), в 1969 году — в [Вологду](#), а в 1980 году уехал на родину — в [Красноярск](#). С 1989 по 1991 год был [народным депутатом СССР](#).

В октябре 1990 года подписал «[Римское обращение](#)» участников конференции «Национальные вопросы в СССР: Обновление или гражданская война?».

5 октября 1993 года подпись Астафьева появилась в «[Письме 42-х](#)» в поддержку силового разгона съезда народных депутатов и Верховного Совета России. По утверждению поэта [Юрия Кублановского](#), Астафьев заявлял, что его подпись поставили без спроса.

В апреле 2001 года у Астафьева случился инсульт. Осенью его самочувствия резко ухудшилось, и он снова оказался в больнице. Врачи диагностировали ему нарушение мозгового кровообращения, но по его просьбе отпустили домой. Умер 29 ноября 2001 года.

Похоронен на кладбище в деревне [Овсянка](#) под [Красноярском](#)

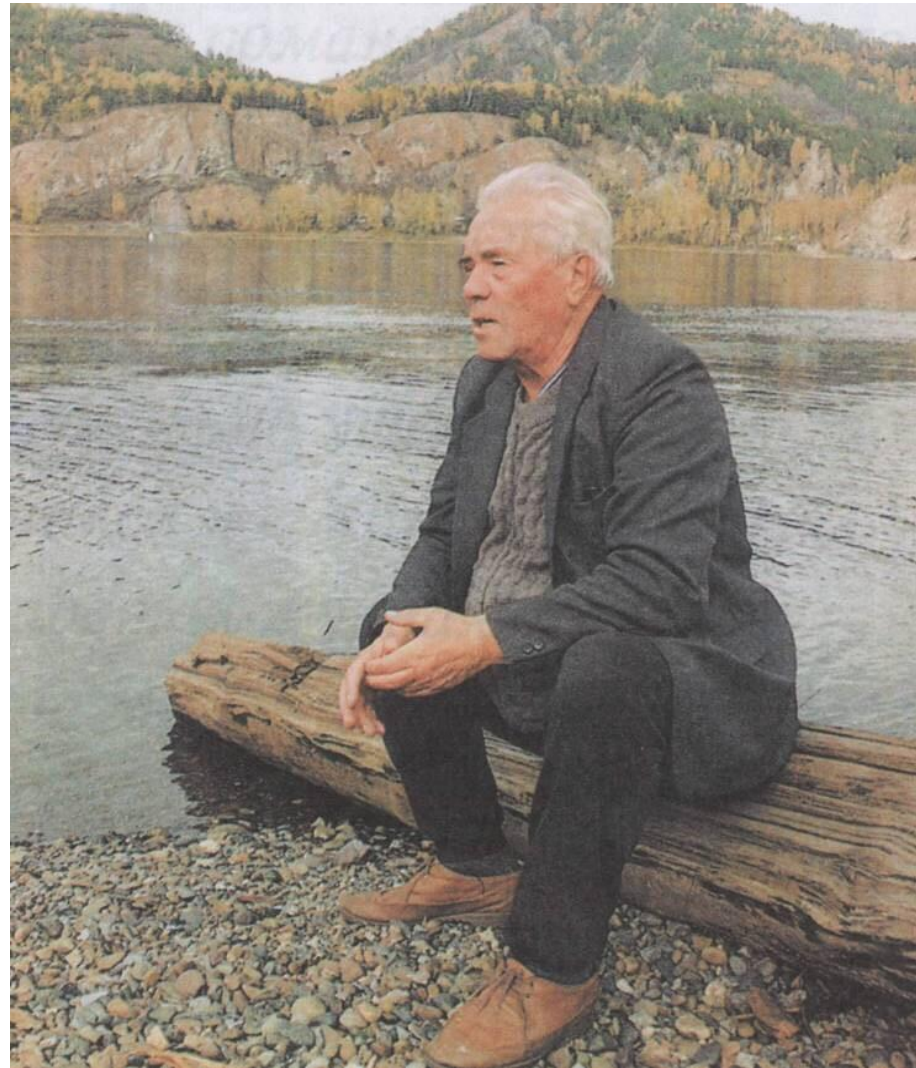
...Осенью 1980 года я переехал "домой". "Дома" мне сделалось спокойней и, поборов рутину, склоки, прямой и явный давяж со стороны крайкома, где уже устали "бороться" с местными писателями и охотно уступили поле брани тем, кто хотел навести здесь хоть какой-то порядок, удалось успокоить писателей, упорядочить творческую жизнь.

И сам я принялся жадно работать в своем домике в родном селе...

...Когда я изредка перебираю старые альбомы с фотографиями, то вижу, что кругом меня обступили покойники, и это после семидесяти лет, а каково-то тем людям, которые перевалили за девяносто и не утратили памяти?

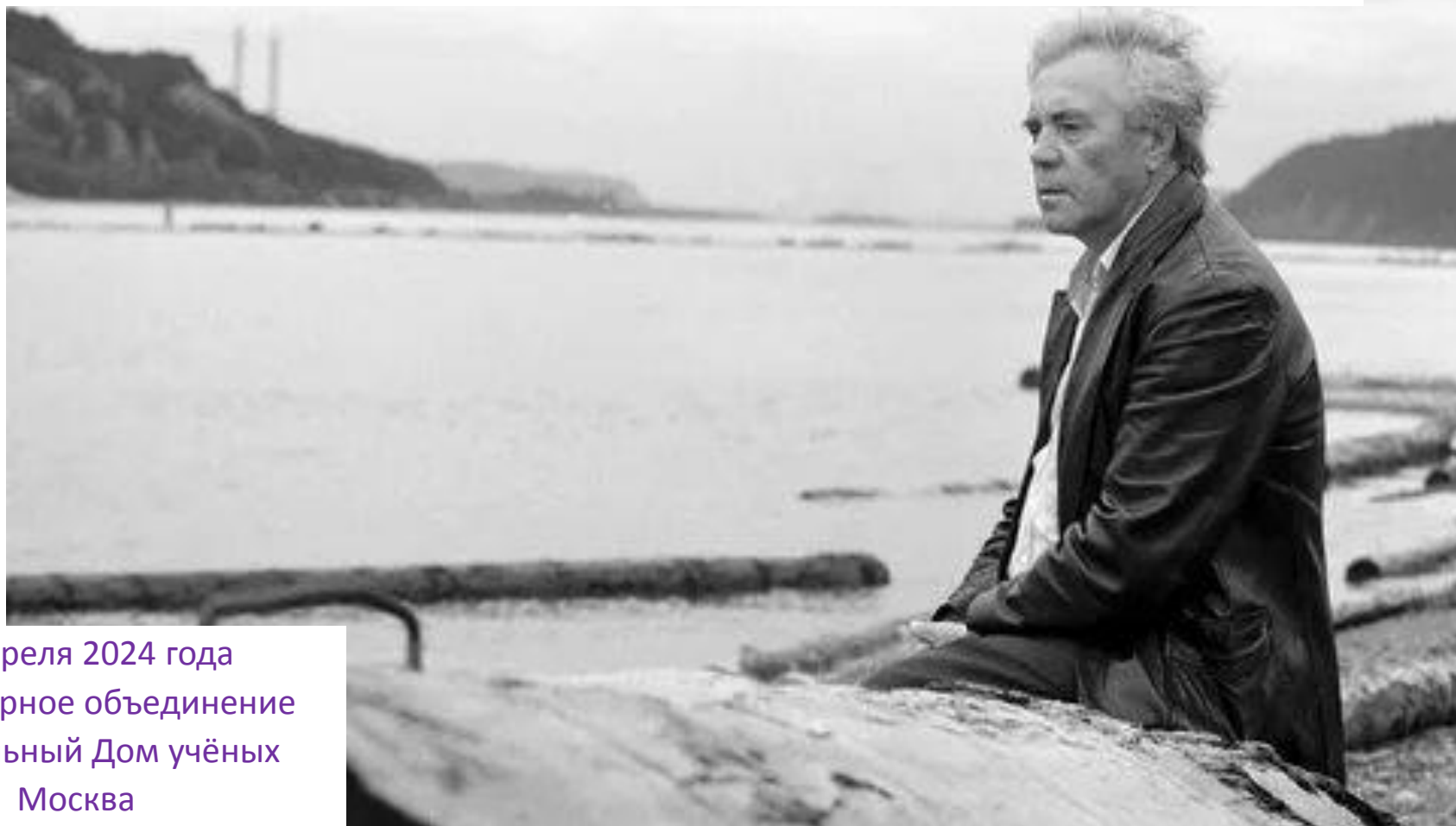
Поэтому не хотел бы я заживаться долго, неся на себе все более тяжелеющий воз утрат. Пока еще сохраняется моя трудоспособность, пусть и не такая уже неистовая как прежде, пока еще ясна память и хоть плохо, да ходят ноги. Но недуги обступают, надвигаются со всех сторон, и хотел бы я, как и многие люди с чистыми помыслами и не до конца утраченным оптимизмом, покинуть всех вас, дорогие мои, не намучив себя и вас, с пишущей ручкой в руках и пусть на слабых, но на своих ногах.

17 октября 2000 г.,

Научно-творческая конференция к 100-летию В. П. Астафьева

Творческий путь и литературное наследие Виктора Петровича Астафьева

13 апреля 2024 года
Литературное объединение
Центральный Дом учёных
Москва

Важные темы творчества Астафьева — военная-патриотическая и деревенская. Одним из первых его произведений было написанное в школе сочинение, в будущем превращённое писателем в рассказ «Васюткино озеро». Первые рассказы автора были опубликованы в газете «Чусовской рабочий». Ранние повести Астафьева «Стародуб», «Звездопад» и «Перевал» вызвали внимание критики: Эдварда Кузьмина в журнале «Новый мир» отмечала, что им свойственны «суровая, корявая шершавость звучания, неприглаженность, необструганность деталей и образов», «живое чувство слова, свежесть восприятия, зоркий глаз».

Стиль повествования Астафьева передаёт взгляд на войну простого солдата или младшего офицера. В своих произведениях он создал литературный образ простого рабочего-воина — обезличенного Ваньки-взводного, на котором держится вся армия и на которого в итоге «вешают всех собак» и списывают все грехи, которого обходят награды, зато в обилии достаются наказания. Этот наполовину автобиографичный, наполовину собирательный образ фронтовика-окопника, живущего одной жизнью со своими боевыми товарищами и привыкшего спокойно смотреть в глаза смерти, Астафьев во многом списал с самого себя и со своих фронтовых друзей, противопоставив его тыловикам-приживальщикам, которые в больших количествах обитали на протяжении всей войны в сравнительно безопасной прифронтовой зоне и к которым писатель до конца дней испытывал глубочайшее презрение.

Суровое, на грани подцензурного, изображение горьких и неприглядных сторон жизни свойственно и произведениям Астафьева из мирной жизни. Одним из первых он упомянул в печати (в «Краже», «Последнем поклоне») о «голодном 1933 году», писал о подростковой жестокости, криминализированности советского общества как в довоенное время, так и при «развитом социализме», о наличии в нём обширного маргинального слоя, прозябавшего в темноте, насилии и саморазрушении, о неустоявшейся культуре и мелочности жизненных целей «городских», «выучившихся». В повести «Царь-рыба» (рассказ «Не хватает сердца») автор пишет про покорение Сибири XX века, в произведении описывается быт заключённых в исправительно-трудовых лагерях, жестокое обращение начальника стройки с людьми.

Романы

«Тают снега» (1958);
«Печальный детектив» (1986)
«Прокляты и убиты» (1995).

Повести

«Перевал» (1958);
«Стародуб» (1960);
«Звездопад» (1960—1973);
«Кража» (1966);
«Где-то гремит война» (1967);
«Последний поклон» (1968—1993);
«Царь-рыба» (1976);
«Так хочется жить» (1995);
«Обертон» (1995—1996);
«Из тихого света» (1961, 1975, 1992, 1997);
«Весёлый солдат» (1998);
«Пролётный гусь» (2000)

Современная пастораль

«Пастух и пастушка» (1967—1971—1989);

Пьесы

«Прости меня» (1980).

Экранизации

1977 — «Сюда не залетали чайки»,
реж. Булат Мансуров

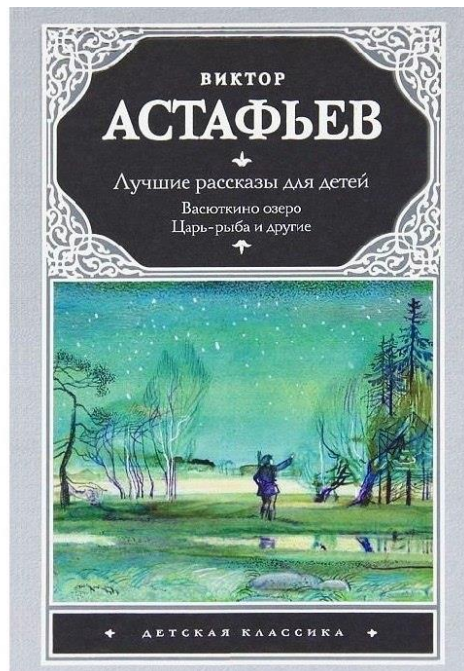
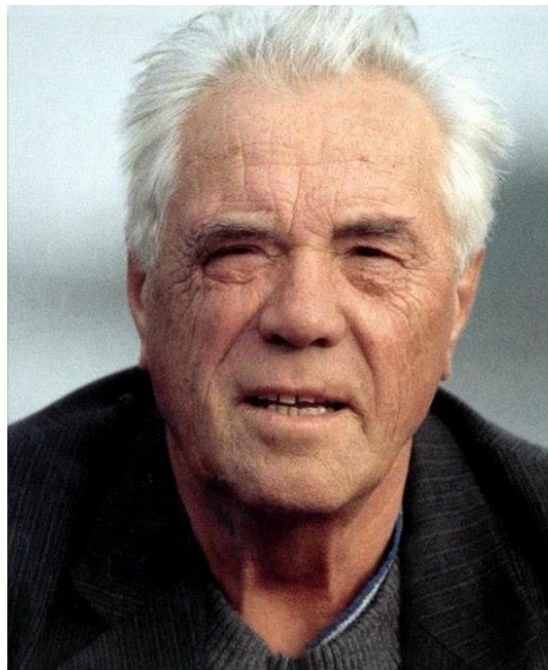
1979 — «Таёжная повесть»,
реж. Владимир Фетин

1981 — «Звездопад», реж. Игорь
Таланкин

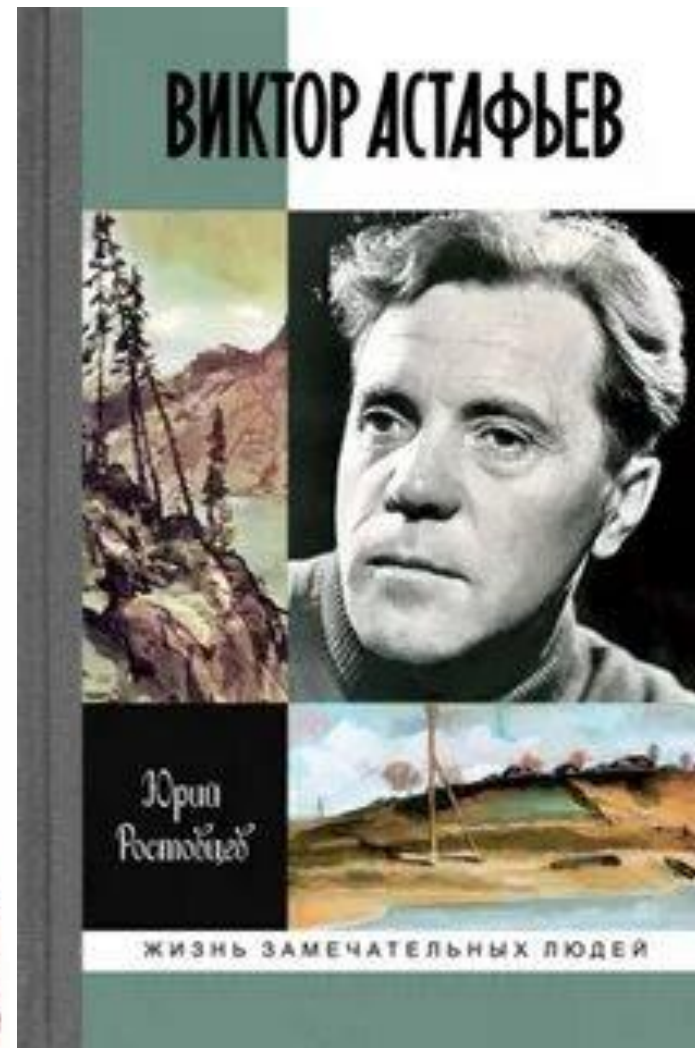
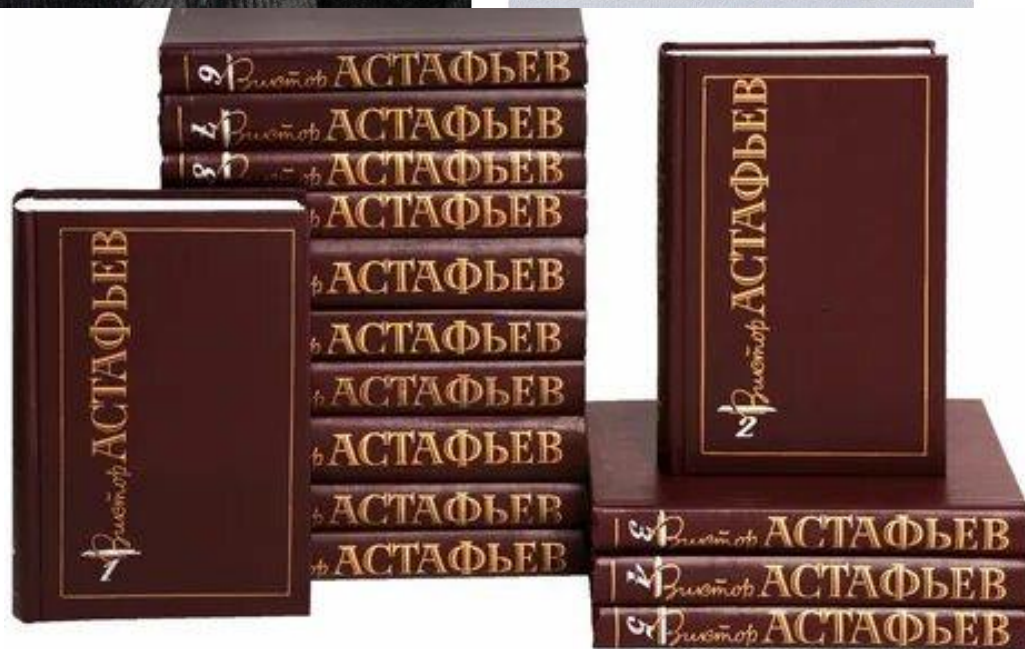
1983 — «Дважды рождённый»,
реж. Аркадий Сиренко, также
автор сценария

1983 — «Ненаглядный мой»,
реж. Артур Войтецкий, также автор
сценария

1986 — «Где-то гремит война»,
реж. Артур Войтецкий, также автор
сценария

Память о писателе

Анна Сатжи

Виктор Астафьев как писатель, самородок в литературе XX столетия и его влияние на жизнь общества

*Не может сын смотреть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой...*
Н. Некрасов

Астафьев Виктор Петрович, русский писатель, публицист (01.05.1924 – 29.11.2001), родился в Красноярском крае в крестьянской семье в селе Овсянка. Закончив 6-й класс средней школы, поступил в железнодорожную школу ФЗО. Затем работал в течение некоторого времени составителем поездов на станции Базаика. Был участником Великой отечественной войны, прошёл её рядовым, получил тяжёлое ранение и вернулся еле живым. Ему досталась сложная судьба – как всему русскому народу. Он вырос фактически сиротой (ранняя гибель матери), его первый ребёнок умер от слабости, а если уж честно – от голода... Как вынести всё это? Как не огрубеть, не проклинать?

В конце 1945 года демобилизовался и поселился в г. Чусовом Пермской обл. Работал сначала слесарем, чернорабочим, грузчиком, плотником в вагонном депо, а затем мойщиком туш на колбасном заводе.

В 1951 году в газете «Чусовский рабочий» был опубликован первый рассказ Астафьева – «Гражданский человек». С 1951 по 1955 годы он был литературным работником этой газеты, регулярно печатая в ней свои произведения.

В 1953 году вышел первый сборник рассказов – «До будущей весны». В 1959 году Астафьев поступил на Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР, которые окончил в 1961 году. Всё это время он активно работал: вышло в свет несколько сборников прозаических произведений: «Огоньки» (1955), «Васюткино озеро» (1956), «Дядя Кузя, куры, лиса и кот» (1957), «Тёплый дождь» (1958).

Виктор Астафьев всю жизнь писал о себе. Только это надо правильно понять. С писателем Астафьевым случилось такое редкое счастье или, наоборот, – такая беда... да нет, всё-таки счастье! – когда человек на самом деле чувствовал себя одним из многих, одним из всех, думал и жил, как часть единого целого. Астафьев пишет: «За что судьба даровала мне счастье жизни? Достоин ли я его, этого счастья? Всё ли делал для счастья других? Не разменял ли так тяжко доставшуюся мне жизнь на пятаки? Всегда ли был честен перед собой? Не рвал ли хлеб изо рта близких? Не оттирал ли с дороги локтями слабых?».

Вот с такой душой и рождены были все его многочисленные книги: повесть о голодном, несправедливом детстве «Кража» (1966), книга о войне с неожиданным названием «Пастух и пастушка» (1971), покаянная исповедь «Последний поклон» (1968-1978), автобиографическая повесть «Где-то гремит война» (1967).

Основные темы романов писателя – противостояние нравственному распаду человека с опорой на исконные устои русской жизни, гибель родной природы. Писатель ставит жёсткий диагноз социального состояния общества, описывает страдания жертв бессмысленной репрессивной системы.

Уже доказано, что человек не может жить вне общества. А значит, и цивилизационное существование человека невозможно вне окружающей его культуры. Сохранить свою неповторимость, остаться самим собой даже в самых сложных условиях человек может, только сохраняя свою личность. А быть личностью – значит сохранить способность ориентироваться в многообразии знаний и ситуаций и нести ответственность за свой выбор, сохранять своё неповторимое «я».

Таков и есть писатель Виктор Астафьев в своём понимании духовной культуры, активном творческом отношении к жизни: к природе, обществу, другим людям, к самому себе.

Есть в одном из лучших рассказов автора такой человек – дядя Левонтий, деревенский сосед. Так вот: отработав и отгуляв своё, любит дядя Левонтий загрустить и ближе к вечеру, сидя за опустевшем уже столом среди толпы своих детей, спросить как бы у себя самого: «Что такое жисть?!».

Человек рождается не просто для того, чтобы есть и пить. Поиски смысла жизни – это удел каждого мыслящего и совестливого человека. Поэтому-то лучшие наши писатели всегда напряжённо искали художественное решение этого вечного вопроса. И наша советская (теперь уже в прошлом) литература не обошла его.

Вопрос о моральных проблемах, конечно, шире вопроса о смысле жизни, но он всё же составляет ядро нравственности. Когда нет веры (не обязательно в Бога!), нет смысла жизни, то очень часто нет и нравственности. Бессмысленность жизни приводит к деградации человека, превращению его в животное и преступника. Как, например, происходит с некоторыми персонажами в рассказе «Рыбак Грохотало» из «Царь-рыбы».

Интересно отметить, что мысли о корнях человека и его морали в том или ином варианте присутствуют у многих писателей. В романе Астафьева «Печальный детектив» (1986) есть эпизод, вызывающий негодование в каждом нормальном человеке. Следователь получает известие о том, что его мать умерла. Он считался любимым сыном. Все, даже некровные родственники, съехались. А он только что вернулся из отпуска, где «укреплял здоровье». Боясь испортить эффект радоновых ванн, как бы «не подшалили нервы» и не желая заняться с «тёмной» роднёй, он посылает на похороны полсотни рублей. Читая, искренне радуешься, когда узнаёшь, что родичи вернули деньги и приписали: «Подавился, паскуда и срамец, своими деньгами...».

Я долго не знала этого писателя, и, признаюсь, очень рада, что открыла Виктора Астафьева для себя. Роман прочитан с открытой душой. Мне нравится, как писатель умело вводит в текст разговорную речь, те житейские мелочи, которые делают изображение очень ярким. Его произведение напоминает подобные случаи, о которых я слышала или читала.

Надо назвать ещё произведения этого замечательного и самобытного автора: романы: «Тают снега» (1958), «Царь-рыба» (1972-1975); повести «Перевал» (1959), «Стародуб» (1959), «Звездопад» (1960), «Последний поклон» (1968-1978); цикл рассказов «Затеси» (1961-1978); рассказы для детей; киносценарий «Не убий» (1981); драмы «Черёмуха» (1977) и «Прости меня» (1980).

А вот как звучат его слова в повести «Звездопад»: «Я родился при свете лампы в деревенской бане. Об этом мне рассказала бабушка. Любовь моя родилась при свете лампы в госпитале. Об этом я расскажу сам». И рассказал... О том, что любовь, даже убитая войной, всё равно – счастье.

Думая о героях нашего времени (и в литературе, и в жизни), чувствуешь, что они рождаются в каких-то необычных, ненормальных условиях. Многие герои и подвиги, загубленные жизни и понапрасну отданные силы не понадобились бы, если бы не было преследований, репрессий, запретов на свободу существования.

Ошибки первого периода Советской власти превратились в сталинский террор в виде беззаконий, насилий и издевательств над народом.

Годы застоя... Сколько же упущено лет и возможностей, сколько жизней растрчено зря. Когда говорят о Великом разделе – советской идеологии и литературы, которая постепенно теряла право на эпитет «советская», всё более становится нагляднее, что кончается тоталитарная власть над умами, требуя постоянной «запроданности»* (*термин из кн. Рассадина Ст. «Русская литература: от Фонвизина до Бродского. – М.: Слово, 2001. – С. 255), то ли поумнев, то ли сама, потерявши веру, стала терпеть всего лишь лояльных. А подчас и любить – как вышло с «деревенщиками», из коих самые даровитые, не считая Василия Шукшина: Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев... К последнему, правда, этот термин «деревенщик» подходило меньше всего. Их положение было достаточно

загадочным. Если власть скрепя сердце терпела «городскую» прозу Юрия Трифонова, например, хотя он жёстко изображал интеллигенцию, сразу традиционно немилую, в то же время как Распутин и Белов рисовали гибель деревни, были обласканы верхами. Вплоть до звезды Героя Социалистического Труда – Распутину за роман «Последний срок» (1970).

Почему так? Возможно, что в Политбюро ностальгировали по своим же дедовым корням от сохи и жалко избушку бабушки с коровкой... Несмотря на все различия Трифонова и «деревенщиков», это было как бы единое целое.

Великий раздел был неминуем. Власть и писатели, нежелающие врать, негласно договорились – на том, что она кое-что им позволяет, а те, в свою очередь, обещают не касаться напрямую вопросов идеологии. Для власти – решающих, станковых.

Такова была эволюция от «оттепельного» порыва довериться власти к «застойной», ленивой договорённости. Кроме тех, естественно, кто переступает грань дозволенного. Надо добавить, что кроме свободы политической, нужна и экономическая свобода. Но рамки эссе не позволяют углубляться в эту тему.

Проза Виктора Астафьева, сравнима с чёрным хлебом, на мой взгляд. Она полезна, служит пищей для размышлений. Жизненно тяжело ложится его строка на душу городскому читателю, обывателю или молодому поколению, рождённому уже в 21-ом веке. Не всё впитывается витаминами из злаков такого многотрудного хлеба.

Молодым людям, вступающим в жизнь, надо знать о том, что культура человека не должна быть сведена только к начитанности, эрудиции, хотя и это очень важно. Культуру человека и его культурность трудно оценить. Но есть признак духовной культуры личности, который играет большую роль – готовность человека к самоотдаче и самопожертвованию. Самоотдаче должно предшествовать постоянное обогащение личности своего духовного мира достижениями общечеловеческой культуры – иначе отдавать будет просто нечего.

Подытоживая, хочется верить в то, что наша страна на верном пути и чтобы она прошла его с наименьшими потерями. Сколько дорог ведёт к Храму – одна или несколько – неважно. Главное, чтобы они вели правильно: именно к Храму, а не Котловану Платонова... И ещё: государство будет крепким только тогда, когда люди станут его уважать.

Вот как писал в «Царь-рыбе» Астафьев: «Переменилась моя родная Сибирь. Всё течёт, всё изменяется – свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.

Всему свой час и время всякому делу под небесами:

Время родиться и время умирать;

Время насаждать и время вырывать насаженное;

Время убивать и время исцелять;

Время разрушать и время строить;

Время плакать и время смеяться;

Время стенать и время плясать;

Время разбрасывать камни и время собирать камни;

Время обнимать и время избегать объятий;

Время искать и время терять;

Время хранить и время тратить;

Время рвать и время сшивать;

Время молчать и время говорить;

Время любить и время ненавидеть;

Время войне и время миру.

Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Нет ответа».

Научно-творческая конференция к 100-летию
Виктора Петровича Астафьева

Астафьеведение

*От эссеистики до
литературоведческих,
лингвистических,
культурологических,
Философских и др. исследований*

13 апреля 2024 года
Литературное объединение
Центральный Дом учёных
Москва

Книги и статьи о жизни и творчестве Виктора Астафьева

Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) – выдающийся русский писатель, член Союза писателей СССР. Родился 1 мая 1924 года в селе Овсянка Красноярского края. 1 мая 2019 года писателю исполнилось бы 95 лет. Его отца репрессировали. В 7 лет мальчик потерял мать. Окончив школу-интернат, учился в ФЗО в Красноярске. После учебы работал составителем поездов на станции Базаиха под Красноярском. В 1942 году добровольцем ушел в армию, а в 1943-м попал на фронт. Несколько раз был тяжело ранен. На фронте награжден орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией». В 1945 году В.П. Астафьев демобилизовался из армии вместе со своей женой – рядовой Марией Семеновной Корякиной и приехал на ее родину – в город Чусовой (Пермская область). Работал грузчиком, вахтером, учился в школе рабочей молодежи, посещал литературный кружок при газете «Чусовской рабочий». С 1951-го по 1955 год работал литературным сотрудником газеты «Чусовской рабочий». С апреля 1957 года был назначен спецкором Пермского областного радио. В 1958 году выходит его роман «Тают снега», и в этом же году В. П. Астафьев принят в Союз писателей СССР. В 1959 году учится на Высших литературных курсах при Литературном институте имени М. Горького. Семья Астафьевых переезжает в Пермь, затем в Вологду, а в 1980 году вернулась на родину – в Красноярск. Война, какой видел ее Виктор Астафьев на передовой, стала центральной темой творчества писателя.

Книги 1. Ланщиков А. П. Виктор Астафьев / А. П. Ланщиков. – Москва : Просвещение, 1992. – 159 с. : ил. Книга посвящена жизни и творчеству В.П. Астафьева. Автор рассказывает о нелегкой судьбе русского писателя, размышляет над его художественной прозой, публицистикой. Особо выделена в книге позиция Астафьева, основанная на любви к родному краю, на вере в духовные возможности человека. 2. Лапин, Б. Ф. Петрович : воспоминания о В. П. Астафьеве / Б. Ф. Лапин. – Иркутск : Папирус, 2002. – 112 с. : 1 л. портр. Автор воспоминаний – иркутский прозаик Борис Лапин считает себя крестником В. Астафьева по Читинскому семинару 1965 года. Впоследствии знакомство перешло в долгие дружеские отношения, которые Лапин описывает в книге с благодарностью и теплотой. 3. Ростовцев Ю. Страницы из жизни Виктора Астафьева / Ю. Ростовцев. – Москва : Энциклопедия сел и деревень, 2007. – 480 с. : ил. – (Семейный архив). В книге представлено около 200 писем и автографов Астафьева, интервью и беседа с ним, 150 фотоиллюстраций. Центром книги стала автобиография Астафьева - самая полная и откровенная, написанная им за год до кончины. 4. Уроки Астафьева. – Красноярск : Буква Статейнова, 2011. – 284 с. В книге писатель представлен в воспоминаниях своих читателей, земляков, коллег. Кто-то восхищается его творчеством, кто-то был недоволен его высказываниями о ситуации в стране и мире. Мнения о нем современников не были и не будут едиными и похожими, но в одном они сходятся: писатель был и остается гением. Статьи 5. Астафьев, В. Виктор Астафьев: «Расскажу о себе сам» : [Отр. из автобиогр. заметок В. Астафьева, написанных в окт. 2000 г.] / В. Астафьев // Труд. – 2004. – 29 апр. – С. 10. Автобиография В. Астафьева, жизнь от прадеда до правнука: детство, раскулачивание, ссылка в Сибирь, литературный путь, семья. 6. Астафьев, В.П. Каждый день что-то открывали... / В. П. Астафьев // Студенческий меридиан. – 2013. – № 6. – С. 20–27. Фрагменты из разговора писателя с молодыми коллегами об учебе в Литературном институте. 7. Дементьев, А. Был настоящим мужиком / А. Дементьев // Аргументы и факты. – 2014. – № 18 (30 апр. – 6 мая). – С. 16. О писателе вспоминает его друг Андрей Дементьев.

8. Зубков В. А. «Сказать хочу. И так, как я хочу» / В. А. Зубков // Литература. – 2014. – № 5–6. – С. 38–41. «Затеси» В. Астафьева на школьном уроке. Анализ рассказов «На сон грядущий» и «Окно». 9. «Книга почти свободна от сочинительства...» // Наш современник. – 2014. – № 5. – С. 142–148. Письма В.П. Астафьева к Н.И. Суворовой – редактору издательства «Современник». 10. Кулакова, Е. Ю. Страшно, когда ты один... / Е. Ю. Кулакова // Читаем, учимся, играем. – 2018. – № 3. – С. 78–81. Сценарий о равнодушии и милосердии на основе рассказа В.П. Астафьева «Людочка». 11. Кулакова, Елена Юрьевна. «Забылся в человеке человек» / Е. Ю. Кулакова // Читаем, учимся, играем. – 2019. – № 2. – С. 28–32. К 95-летию со дня рождения В.П. Астафьева. Сценарий по мотивам произведения «Царь-рыба». 12. Линник, В. Неоконченный диалог с Виктором Астафьевым : Встречи и письма / В. Линник // Наш современник. – 2014. – № 5. – С. 156–175. Воспоминания о писателе, о встрече автора статьи с В.П. Астафьевым на Питтсбургской конференции. 13. Мешалкин, Александр Николаевич. Заветная книга В.П. Астафьева: мир детства, добра и красоты в повести «Последний поклон» / А. Н. Мешалкин // Литература в школе. – 2007. – № 3. – С. 18–22. Литературный анализ повести В.П. Астафьева «Последний поклон». Развитие темы детства, трагичности человеческого существования. 14. Мильман, З. Овсянка пела и читала / З. Мильман // Российская газета. Неделя. – 2014. – № 103 (8–14 мая). – С. 20. К 90-летию Виктора Астафьева: о мероприятиях, состоявшихся на родине писателя. 15. Мотеюнайте, Илона. «...В крови, в страданиях, в смерти...»: [В.П. Астафьев о войне] / И. Мотеюнайте // Литература. – 2007. – № 9. – С. 12–15. – Прил. к газ. «Первое сентября». О произведениях В. Астафьева про войну, про судьбы людей, про внутренний мир человека-солдата. 16. Петрова, Е. И. «Что за загадка такая – душа русская?» / Е. И. Петрова // Литература в школе. – 2016. – № 3. – Прил.: Уроки литературы. – С. 4–6. Урок по рассказу В.П. Астафьева «Макаронина» в рамках изучения темы «Нравственные проблемы в современной литературе». 17. Ростовцев, Юрий. Как он читал прекрасно...: [Страницы из жизни Виктора Астафьева] / Ю. Ростовцев // Студент. меридиан. – 2004. – Май. – С. 60–65 ; Июнь. – С. 56 – 61 ; Июль. – С. 54–59. Переписка В. Астафьева с Р. Штильмарком и Ф. Штильмарком. 18. Ростовцев, Юрий. Синие сумерки...: [Страницы из жизни Виктора Астафьева] / Ю. Ростовцев // Студенческий меридиан. – 2003. – Дек. – С. 58 – 63 ; Янв. – С. 58 – 63 ; Студенческий меридиан. – 2004. – Февр. – С. 58 – 63. ; Апр. – С. 60 – 65. Переписка В. Астафьева с Р. Штильмарком и Ф. Штильмарком. 19. Ситникова, В. «Хлещет золотой звездопад» / В. Ситникова // Литература. – 2010. – 16–30 апр. (№ 8). – С. 10–11. – Прил. к газ. «Первое сентября». Урок внеклассного чтения по повести В.П. Астафьева «З звездопад». 20. Скиф, В. Живая живопись астафьевского слова / В. Скиф // Сибирь : журнал писателей России. – 2014. – № 2. – С. 193–197. Воспоминания иркутского поэта Владимира Скифа о встречах с Виктором Астафьевым. 21. Скиф, В. Глеб Пакулов и Виктор Астафьев / В. Скиф // Наш современник. – 2014. – № 5. – С. 149–155. О поездках В. Астафьева на Байкал в гости к Г. Пакулову. Веселые, забавные истории, которые происходили с писателями во время рыбалки и сбора грибов. 22. Тяпугина, Н. Ю. «Почему ты лежишь один посреди России?» / Н. Ю. Тяпугина // Литература в школе. – 2015. – № 8. – С. 8–12. Анализ повести «Пастух и пастушка», одной из лучших повестей о войне, написанных фронтовиком Виктором Астафьевым. 23. Цветова, Наталья Сергеевна. «Над миром властвует смерть»: [к творч. истории повести В. Астафьева «Пастух и пастушка»] / Н. С. Цветова // Литература в школе. – 2009. – № 3. – С. 17–20. В статье раскрывается невероятно сложная и неоднозначная история рождения повести В. Астафьева «Пастух и пастушка», которая была опубликована в «Нашем современнике» в 1971 году, через 20 лет после возникновения ее замысла. 24. Черников, А. П. «Понимать, беречь природу». Экологическая проблематика в прозе В. П. Астафьева / А. П. Черников // Литература в школе. – 2013. – № 4. – С. 15–19. В статье анализируются произведения писателя, посвященные проблемам экологии. Основное внимание уделяется повести «Царь-рыба». 25. Шаргунов, С. Одинокий волк / С. Шаргунов // Аргументы и факты. – 2016. – № 48 (30 нояб.-6 дек.). – Прил.: Аргументы и факты в Вост. Сибири. – С. 22. О том, какой след оставил классик в русской литературе, какими были для него война и правда жизни... 26. Шопенская, Н. И. Образ России в миниатюрах В. П. Астафьева «Затеси» / Н. И. Шопенская // Литература в школе. – 2015. – № 7. – С. 30–32. Обсуждения нравственных проблем человека и времени на основе книги В.П. Астафьева «Затеси». 27. Щербаков, А. Сопричастный всему живому / А. Щербаков // Сибирь : журнал писателей России. – 2014. – № 4. – С. 195–203 : фот. Воспоминания о встречах с В.П. Астафьевым. О поездке за «Царь-рыбой» в далекую деревню Сиблю.

Сергей Шаргунов, писатель

Резкость искренности

Так получилось, что последнее произведение Виктора Астафьева было опубликовано в том же номере журнала «Новый мир», в котором впервые был опубликован мой прозаический текст. Уже исходя из этого у меня несколько особое отношение к Виктору Петровичу. И, когда несколько лет назад представилась возможность, я поехал в село Овсянка под Красноярском, где родился, жил и работал Астафьев, чтобы поклониться его дому.

Всё, что связано с Астафьевым, - это надрыв, обожжённость, боль восприятия и, конечно, народность. Он, как очень близкий к народу человек, никогда не занимался сюсюканьем и фальшивой идеализацией людей из глубинки. Он говорил о народе одновременно грубо и нежно - на правах родни. И его роман «Прокляты и убиты» - это такой хмельной разговор с близкими. Выплеск, в котором есть резкость искренности.

Надрыв Астафьева во многом определён его судьбой. Его отец был осуждён «за вредительство». Мать во время очередной поездки на свидание к мужу утонула, зацепившись косой за сплавной бон. Астафьеву тогда было 7 лет. Он оказался буквально выброшен на улицу, жил в каком-то заброшенном здании... Эти заброшенность, неприютность, отчуждённость до конца дней присутствовали в Астафьеве. Отсюда, возможно, и его резкость суждений и оценок. Он всегда был ничейный, сам по себе. В нём было что-то от одинокого волка. Разумеется, говорить о прозе Астафьева, о его личности невозможно вне темы войны. В 1942-м он ушёл добровольцем на фронт. Перенёс тяжёлое ранение, лишился глаза. Был награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией». Тема войны стала ключевой для него. Он вновь и вновь возвращался к пережитому. Его глубокая, «чёрная» окопная проза, неприязнь к тыловикам, знание того, как тяжело приходится рядовому и в военной, и в мирной жизни, - это постоянный возврат к тому, через что ему самому пришлось пройти. (Среди испытаний - одно из самых страшных: смерть двух дочерей. По состоянию здоровья Астафьев не смог вернуться на завод, где трудился до войны. Чтобы кормить семью, он работает слесарем, чернорабочим, грузчиком, плотником, мойщиком мясных туш. - Ред.)

На грани цензуры

Астафьев - это не только незалакированное восприятие войны. Его проза - это ещё и потрясающий, одновременно грубый и лиричный русский язык. Шершавый, настоящий, способный передать правду жизни, показать простого человека с его болью, забитостью, упованиями и надеждами. Астафьев обладал талантом «вылепливать словами» не только лица, характеры, но и описывать природу - не умилительно-парадную, но скорбную, серую.

«С годами к канаве приползло и разрослось, как ему хотелось, всякое дурнолесье и дуркотравье: бузина, малинник, тальник, волчатник, одичалый смородник, не рожавший ягод, и всюду развесистая полынь, жизнерадостные лопухи и колючки. Кое-где дурнину эту непролазную пробивало кривоствольными черёмухами, две-три вербы, одна почерневшая от плесени упрямая берёза росла, и, отпрянув сажень на десять, вежливо пошумливая листьями, цвели в середине лета кособокие липы». (Из рассказа «Людочка».)

Главное, чего нам всем не хватает сегодня, - это искренности и жажды справедливости. А этого и в самом Астафьеве, и в его книгах было с лихвой. Если устанешь от фальши времени, обратись к его прозе. Даже не соглашаясь с ним, ты всё равно получишь свой глоток искренности.

Астафьев не боялся писать на грани цензуры, касаясь запретных тем. Он одним из первых упомянул (в «Краже», «Последнем поклоне») о голодном 1933-м. Писал о подростковой жестокости и криминализированности советского общества. Он, как сказали бы сейчас, всегда оставался неполииткорректным. А на самом деле просто свободным и хлётским в суждениях человеком, который пропускает всё через сердце, глубоко переживает за то обилие несправедливости, что обрушилось на людей: «Добить, дотерзать, допичкать, додавить защиты лишённого брата своего - это ли не удовольствие, это ли не наслаждение - добей, дотопчи - и кайся, замаливай грех - такой услаждающий корм для души». (из романа «Прокляты и убиты»)

Виктора Петровича упрекали и продолжают упрекать во многом... Астафьев - это тот человек, с которым до сих пор хочется спорить. С ним и спорили - яростно, а порой и с ненавистью. В начале перестройки он вошёл в клинч с отечественными прогрессистами, его обвиняли аж в шовинизме по отношению к русскому (!) народу. (В 2001 г. ходатайство друзей о лечении пережившего два инсульта Астафьева за границей превратилось в судилище над писателем. Депутаты обвинили его в фальшивом отображении истории страны, предательстве, заигрывании с Западом. Денег на лечение писателю выделено не было, и в местной больнице врачи были вынуждены выписать Астафьева домой - умирать. - Ред.) Тогда на подобные обвинения Астафьев отвечал резкими, запальчивыми письмами. Но чуть позднее дистанцировался от своих «заединщиков» по деревенской прозе. И, простив ему бывшие публицистические высказывания, Астафьева постарались записать в свой лагерь те, кто называл себя демократами. Но я думаю, он и тогда оставался сам по себе - одиночкой с глубинным надрывом.

Несмотря на то что Астафьевым написано почти 150 произведений, всего четыре из них были экранизированы. Казалось бы, парадоксальная ситуация в случае с русским писателем мирового уровня. Но астафьевская проза не столько сюжетна, сколько связана с языком и чувствами. Это как поэзию Пушкина сложно перевести на иностранный язык. Астафьев передаёт чувства очень тонко, используя порой для этой тонкости грубые «мазки», грубую лексику. Чем грубее он писал, тем тоньше ему удавалось передать склад души русского человека, его характер, взгляд на жизнь. Вот только глубину эту сложно уловить и представить в качестве жёстко сбитого сюжета. Слишком много воздушного, недосказанного... Слишком много пространства для сомнений и вопросов. Собственно, и сам Виктор Петрович оставил нам множество загадок в своей личности. Недосказанный, затаённый... Как было бы интересно услышать его сейчас...

Я считаю, что правильно было бы ввести в обязательный курс школьной программы по литературе хотя бы отрывок из «Царь-рыбы» Астафьева. Там такие стихийность и гуща русского языка, которые способны преобразить читающего.

«Кто держится на своих собственных ногах, живёт своим умом, при любом соблазне хлебает только под своим краем, не хватая жирных кусков из общего котла, характер свой на дешёвку не разменивает, в вине себя не топит, пути своей жизни не кривит - у того человека своё отдельное место в жизни и на земле, заработанное им и отвоёванное. Остальное всё в хлам, в утиль, на помойку!» (Из романа «Царь-рыба»)

Р. С. В 1967 г. в письме к жене Астафьев писал: «...Неужели ж я не заслужил такой почести: жить хоть десяток лет для себя?! Неужели постоянно должен мучиться своими и чужими муками, никому ничего не дающими, кроме новых мук?!» И в этом - может, раз в жизни - писатель ошибся. Его муки дали нам очень многое - они (и это главное!) не позволили и не позволяют нам очерстветь душой, стать глухими по отношению к чужому горю и к своей земле. И за это вам, Виктор Петрович, низкий от всех нас поклон...

УДК 821.161.1.09«1917/1991»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

АСТАФЬЕВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

А.И. Смирнова

<https://cyberleninka.ru/article/n/astafievskaya-paradigma-sovremennoy-literatury-otzyv-nauchnogo-konsultanta-o-doktorskoy-dissertatsii-p-a-goncharova-tvorchestvo-v-p/viewer>
<https://cyberleninka.ru/article/n/astafievedenie-segodnya-aktualnye-problemy-izucheniya/viewer>
Обзор публикаций по современному астафьеведению

© Смирнова А.И., 2010

Накануне и в год юбилея В.П. Астафьева (в 2009 году исполнилось 85 лет со дня его рождения) на родине писателя в Сибири вышло несколько книг, посвященных ему: Воспоминания о В.П. Астафьеве «И открой в себе память...» (2008), первый выпуск «Астафьевского ежегодника» «Стародуб» (2009), пятый выпуск материалов научной конференции «Юбилейные Астафьевские чтения "Писатель и его эпоха"» (2009), биобиблиографический указатель, содержащий и научные статьи о писателе, «Дар слова: Виктор Петрович Астафьев (к 85-летию со дня рождения)» (2009). Событием для любителей современной русской прозы и исследователей творчества В.П. Астафьева стало издание его эпистолярного наследия «Нет мне ответа...» (2009), в которое вошли письма 1952–2001 годов. Перед нами подлинный «Эпистолярный дневник» — как его назвал составитель и издатель писем Г. Сапронов. И последняя строка повествования в рассказах В.П. Астафьева «Царь-рыба», вынесенная в заглавие книги: «Нет мне ответа...», представляется очень точной и удачной — по закреплению в ней особой астафьевской интонации, пронзительной и горькой. В контексте творчества писателя эти слова уже «зажили» своей отдельной жизнью. Так, А.П. Казаркин приходит к мысли о том, что «эссе "Нет мне ответа" завершает не только "Царь-рыбу", но и автобиографическую диалогию (исследователь рассматривает это повествование в рассказах и "Последний поклон" как диалогию. — А. С.) и выводит в контекст религиозно-философской прозы. С этого рубежа углубляются пессимистические ноты, создается образ переродившегося народа и страны, из родной превратившейся в чужую» [3, с. 489].

Обратимся к литературоведческим аспектам изучения творчества писателя. Появление первого выпуска «Астафьевского ежегодника» «Стародуб» [6], в котором представлены научные статьи и сообщения о нем, воспоминания и материалы к биографии, архивные разыскания и письма Виктора Петровича Астафьева, вызывает несомненный интерес, свидетельствуя о начале нового этапа в осмыслении его литературного наследия. Знаатокам творчества писателя хорошо известна одна из первых его повестей «Стародуб» (1960), давшая название ежегоднику. В повести оно объясняется следующим образом: эти люди «пришли отсюда, где росли дубы, где росли яблони, груши, вишни и не было кедров и лиственниц. Они всею дали свои названия, и самый целебный и красивый цветок назвали в честь любимого дерева — дуба. Так цветок этот, желтый и духмяный, сделался постоянной, неумираемой памятью о родном, навсегда потерянном крае» [1, с. 48]. На титульном листе «Астафьевского ежегодника» изображен цветок, сделанный неумелой рукой писателя, и рядом его текст: «Стародуб... символ мой и любимый мой цветок. В. Астафьев» [6]. «Этот цветок цвета солнца стал эмблемой писателя. Он рисовал его на десятках подаренных им книг» [там же, с. 5], сопровождая приведенной выше записью.

Авторы статей ежегодника обращаются к разным граням астафьевского творчества: новосибирский исследователь В.Н. Яранцев размышляет о мировоззрении писателя, польский славист М. Заградка осмысливает творческую эволюцию Астафьева, начиная с повести «Стародуб» и заканчивая романом «Прокляты и убиты». Ряд статей посвящен контекстному рассмотрению произведений писателя.

***О некоторых статьях из обзора А.И. Смирновой
«Астафьеведение сегодня: актуальные проблемы изучения»
Вестник ВолГУ, Серия 8, вып.9, 2010, с.136-145***

В.А.Зубков (Астафьевский ежегодник «Стародуб», 2009)

«Эволюцию полувековой жизни Астафьева в литературе, разумеется, можно рассматривать в разных аспектах: тематическом, жанровом, стилевом и т.д. Но главное в ней, на мой взгляд, — движение из мира собственно «деревенской» и военной прозы к художественному и публицистическому исследованию общего состояния народной России. Центром его в последние годы Астафьева всё очевиднее становится постижение тотального несчастья русского народа, которое писатель со всей определённой обнаруживает к концу XX века»

В.Н.Яранцев (статья о мировоззрении Виктора Астафьева)

даёт свою оригинальную концепцию мировоззренческих установок писателя: «На опыте собственной биографии писатель осознавал эту ущербность человека в мире дисбаланса добра и зла: человек изначально несовершенен и ещё «ущербен» несовершенством общественной жизни!» На примере повестей В.Астафьева 1960-х – начала 1970-х годов В.Н.Яранцев показывает, что для автора «полнота и гармония человека с собой и миром... оказывается утопической или кратковременной, так как дисгармония заложена изначально и в человеке, и в мире...».

Д.А.Субботин (статья «Эволюция конфликта в прозе В.П.Астафьева»)

Субботин выявляет эволюцию конфликта в прозе писателя на материале таких произведений, как «Стародуб», «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Прокляты и убиты»; при этом исследователь выделяет два типа конфликта: локальный (который может реализоваться в двух видах — обобщённом и частном) и субстанциональный. Говоря о романе «Прокляты и убиты» исследователь отмечает, что в нём «субстанциональный конфликт становится главным» и приходит к выводу: «Субстанциональный конфликт в произведениях последних лет выражен предельно экспрессивно: Астафьев не приемлет этот мир и не видит выхода. И если с содержательной стороны конфликта можно наблюдать определённую эволюцию..., то с формальной стороны конфликты в прозе Астафьева типологически однородны...»

Д.А. Субботин сумел через призму конфликта проследить творческую эволюцию писателя, раскрыть его мировосприятие.

***О некоторых статьях из обзора А.И. Смирновой
«Астафьеведение сегодня: актуальные проблемы изучения»
Вестник ВолГУ, Серия 8, вып.9, 2010, с.136-145***

Н.М.Щедрина (статья «Проблема жанрового синтеза в прозе В.П.Астафьева»)

В формировании «новой формы эпического полотна» исследователь отмечает, что у Астафьева «синтезированы очерк; рассказ; повесть; лирическая, философская и публицистическая проза; летописное, автобиографическое, хроникальное и циклическое повествование»

А.П.Казаркин (статья «“Зрячий посох” В.П.Астафьева: контекст и метатекст»)

«Большую часть своей творческой жизни писатель отдал тому, что называется «книгой жизни» — замечает исследователь. — Астафьевская «книга жизни» узнаваема, её трудно смешать с другими, стиль этого писателя — едва ли не самый исповедальный в русской литературе, а она особенно расположена к хронике-исповеди.»

«Если автобиографическая повесть — «последний поклон» родной земле и русскому крестьянству, а «Царь-рыба» — живой природе, то «Зрячий посох — прощание с русской литературой.»

А.П.Казарин формулирует актуальные задачи, стоящие перед астафьеведением: «По мере осознания Астафьева классиком мы должны увидеть его место «на шкале этногенеза» (Л.Гумилёв): прежде всего в литературе Сибири в контексте неопочвеннической прозы, и в мировой философско-экологической литературе»

АСТАФЬЕВСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹
Отзыв научного консультанта о докторской диссертации П.А. Гончарова
«Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века»
(Тамбов, 2004, 27 апреля)

Л.В. Полякова

Polyakova L.V. The Astafyevian paradigm of modern literature. A research supervisor's review of P.A. Goncharov's PhD thesis, "V.P. Astafyev's work in the context of late-20th century Russian prose" (Tambov, 27 April, 2004).

<https://cyberleninka.ru/article/n/astafievskaya-paradigma-sovremennoy-literatury-otzyv-nauchnogo-konsultanta-o-doktorskoy-dissertatsii-p-a-goncharova-tvorchestvo-v-p-astafyeva-v-kontekste-russkoy-prozy-vtoroy-pоловины-xx-века>

В 2002 году в «Литературной газете» была помещена беседа К. Андреева с современным классиком русской литературы [1]. Это публичное выступление В. Астафьева по своим основным социально-нравственным и духовным параметрам полностью соответствует творческой программе писателя, заявленной в художественных произведениях последних лет и, в первую очередь, в романе «Прокляты и убиты».

В. Астафьев поставил вопрос о роли народа и национальной идеи в созидании жизни нации, говорил о том, что единая национальная идея спасения России во время Ве-

ликой Отечественной войны сыграла свою положительную роль. Он провел параллель между духовным состоянием русской нации военного времени и в наши дни и пришел к выводу: нельзя сказать, сегодня «совсем нет народа». «Но нации как таковой, – уточнил писатель, – нации с национальной идеей уже нет. Ее давно уничтожили...».

Вместе с тем, В. Астафьев выделил «какие-то признаки русской нации», весьма существенные черты, позволившие народу сохраниться и выстоять. «Это прежде всего терпеливость, выносливость. Ни один бы народ, – говорит писатель, – не вынес ни советскую власть, ни того, что происходит сейчас. Вымерли бы просто. Этот – еще стоит. Есть еще мужики и бабы, особенно бабы, которые

¹ Отзыв построен на основе идей проекта «Теоретические аспекты истории новейшей русской литературы», грант Минобразования РФ 2004 года Г02-1.5-4.

Научно-творческая конференция к 100-летию
Виктора Петровича Астафьева

Диалоги с Астафьевым

*Литераторы Дома учёных
представляют свои произведения
как переключку с текстами
В.П.Астафьева*

13 апреля 2024 года
Литературное объединение
Центральный Дом учёных
Москва

«Прокляты и убиты» Виктор Астафьев

«Прокляты и убиты» – «окопная проза», как говорили в 60-е годы, но – совершенно иного сорта: это жестокая Правда войны, ее должны знать потомки и денно и нощно помнить, дабы не повторить трагический опыт предков.

Писать о войне, о любой – задача сверхтяжкая, почти неподъемная, но писать о войне прошлой, Отечественной, и вовсе труд невероятный, ибо нигде и никогда еще в истории человечества такой страшной и кровопролитной войны не было. И хотя есть поговорка, что нигде так не врут, как на войне и на охоте, об этой войне столько наврали, так запутали все с нею связанное, что в конце концов война сочиненная затмила войну истинную.

Главное губительное воздействие войны в том, что вплотную, воочию подступившая массовая смерть становится обыденным явлением и порождает покорное согласие с нею.

Изю всех спекуляций самая доступная и оттого самая распространенная - спекуляция патриотизмом, бойчее всего рапродается любовь к родине - во все времена товар этот нарасхват.

Предательство начинается в высоких, важных кабинетах вождей, президентов – они предают миллионы людей, посылая их на смерть, и заканчивается здесь, на обрыве оврага, где фронтовики подставляют друг друга. Давно уже нет того поединка, когда глава государства брал копьё, щит и впереди своего народа шел в бой, конечно же, за свободу, за независимость, за правое дело. Вместо честного поединка творится коварная надуваловка.

Страна не была готова к затяжной войне не только в смысле техники, оружия, самолетов, танков — она не настроила людей на долгую, тяжкую битву и делала это на ходу, в судорогах, в спешке, содрогаясь от поражений на фронтах, полной бесхозяйственности, расстройств быта и экономики в тылу. Сталин привычно обманывал народ, врал напропалую в праздничной ноябрьской речи о том, что в тылу уже полный порядок, значит, и на фронте тоже скоро все изменится.

Бедственное время страшно ещё тем, что оно не только угнетает – оно деморализует людей.

Эта вот особенность нашего любимого крещеного народа: получив хоть на время хоть какую-то, пусть самую ничтожную, власть (дневального по казарме, дежурного по бане, старшего команды на работе, бригадира, десятника и, не дай Бог, тюремного надзирателя или охранника), остервенело глумиться над своим же братом, истязать его, - достигшая широкого размаха во время коллективизации, переселения и преследования крестьян, обретала все большую силу, набирала все большую практику, и ой каким потоком она еще разольется по стране, и ой что она с русским народом сделает, как исказит его нрав, остервенит его, прославленного за добродушие характера.

Боже милостивый! Зачем Ты дал неразумному существу в руки такую страшную силу? Зачем Ты прежде, чем созреет и окрепнет его разум, сунул ему в руки огонь? Зачем Ты наделил его такой волей, что превыше его смирения? Зачем Ты научил его убивать, но не дал возможности воскресать, чтоб он мог дивиться плодам безумия своего? Сюда его, стервеца, в одном лице сюда и царя и холопа - пусть послушает музыку, достойную его гения. Гони в этот ад впереди тех, кто, злоупотребляя данным ему разумом, придумал все это, изобрел, сотворил. Нет, не в одном лице, а стадом, стадом: и царей, и королей, и вождей - на десять дней, из дворцов, храмов, вилл, подземелий, партийных кабинетов - на Великокриницкий плацдарм! Чтобы ни соли, ни хлеба, чтоб крысы отъедали им носы и уши, чтоб приняли они на свою шкуру то, чему название - война. Чтоб и они, выскочив на край обрывистого берега, на слуду эту безжизненную, словно вознесясь над землей, рвали на себе серую от грязи и вшей рубаху и орали бы, как серый солдат, только что выбежавший из укрытия и воззавший: "Да убивайте же скорее!..."

«Прокляты и убиты» Виктор Астафьев

Он-то знал давно, на себе испытал главную особенность армии, в которой провел почти всю свою жизнь, и общества, ее породившего, держать всех и все в унижительном повиновении, чтоб всегда, везде, каждодневно военный человек чувствовал себя виноватым, чтоб постоянно в страхе ощупывался, все ли застегнуто, не положил ли чего ненужного в карман ненароком, не сказал ли чего невпопад, не сделал ли шаг вразноступ с армией и народом, то ли и так ли съел, то ли так ли подумал, туда ли, в того ли стрельнул...

Начавши борьбу за создание нового человека, советское общество несколько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина. За короткое время в селекции были достигнуты невиданные результаты, узнаваемо обозначился облик советского учителя, советского врача, советского партийного работника, но наибольшего успеха передовое общество добилось в выведении породы, пасущейся на ниве советского правосудия. Здесь чем более человек был скотиноподобен, чем более безмозгл, угрюм, беспощаден характером, тем он больше годился для справедливого карательного дела.

В героической советской стране передовые идеи и машины всегда ценились дороже человеческой жизни. Ежели советский человек, погибая, выручал технику из полымя, из ямы, из воды, предотвращал крушение на железной дороге – о нем слагались стихи, распевались песни, снимались фильмы. А ежели, спасая технику, человек погибал – его карточку печатали в газетах, заставляли детей, но лучше отца и мать высказываться в том духе, что их сын или дочь для того и росли, чтоб везде и всюду проявлять героизм, мужеством своим и жизнью укреплять могущество советской индустрии – его и на кине так показывают: отвалилось колесо – без колеса едет, провалится мост – он по сваям шпарит, да еще с песней: «Как один человек, весь советский народ...»

«Сожгли безоружное ополчение под Москвой, сгубили боеспособные армии под Воронежем и в Сталинграде, с колес, необстрелянных, плохо обученных людей бросая в бой, теперь вот спохватились, уразумели: нельзя так дальше воевать. России может не хватить на многолетнее истребление, всеобщий убой, и она, родимая, не бездонный колодец!»

— Молитвы составляли лучшие умы и поэты земли, — втесался в разговор Васконян, — поэтому они достигают сердца...
...все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты.

Виктор Калиничев

Памяти писателя Виктора Петровича Астафьева

Писатель В. Астафьев — это глыба... Раскритиковать его творчество нельзя, его можно только признать, он относится к поколению писателей, прошедших Великую Отечественную войну. И тема войны, человека на войне, тема страдания, а не только героизма занимают важное место в его творчестве. По признанию писателя, война ему снилась 10 лет. Он не мог избавиться от пережитых кошмаров, которые держала в себе его память. Да это было и невозможно.

О В.П. Астафьеве снято несколько документальных фильмов:

- Документальный фильм «Виктор Астафьев» (Ленинградская студия документальных фильмов, 1984, реж. М. Литвяков).
- Документальный фильм «Жизнь на миру» (1992, режиссёр: Кузнецов В.).
- Документальный фильм (2010, реж. Андрей Зайцев) «Виктор Астафьев. Весёлый солдат».

Несколько лет назад мне довелось смотреть последний упомянутый фильм о В.П. Астафьеве в московском Доме кино. Много фактов запомнилось. “Война” и “вой” — однокоренные слова. Вой охватил в лихие военные годы семьи 42 млн. погибших, родные люди оплакивали своих сыновей, дочерей, сестёр, братьев, жён, мужей... Это была жестокая битва за Родину. Мораль и нравственность на фронте трансформировались порой не в положительную сторону, думали о том, чтобы им выжить под пулеметным и танковым обстрелом. Перед отправкой на фронт мобилизованных ребят определяли на три месяца в подготовительный полк. Питание было скудным, обмундирования почти не было, на боевую подготовку давали по два патрона. Вчерашние крепкие ребята превращались в дистрофиков, которые даже толком не умели стрелять, и их отправляли на фронт. Военную форму снимали как с убитых русских, так и с убитых немцев. Писатель Ю. Бондарев показывал свою фотографию, на которой на нем из нашей формы одна пилюлька, остальное — немецкая одежда. Вот эта частично необученная, голодная, плохо одетая армия победила на Курской дуге. Командование решило без передышки идти дальше. В фильме были кадры: наши идут по Украине, валенки вязнут в чернозёме. Через три шага они остаются в земле, и солдат дальше бежит босиком. А впереди шоссе, по которому идут наши танки, давя убитых, гусеницы танков в крови. Впереди переход через Днепр. Командование не учло, что многие не умеют плавать, что нет плотов и брёвен, и вот в одной из дивизий, в которой было 25000 человек, на другой берег перешли 3600, а 21400 — утонули.

Далее, продолжая рассказ и рассуждая о героизме, В. Астафьев говорит, что его зачастую не было, был страх. Впереди немцы, сзади отряд НКВД. Бежать некуда. Только вперёд. После битвы шли похоронные отряды. Они грабили покойников. Так работала советская военная машина. Но все войны в итоге заканчиваются, ценой человеческих жизней добывается победа. В итоге, мы победили. Слава героям войны павшим и оставшимся в живых, память вечная.

«Пастух и пастушка» Виктор Астафьев

Я сегодня думал. Вчера молчал. Думал. Ночью, лежа в снегу, думал: неужели такое кровопролитие ничему не научит людей? Эта война должна быть последней! Или люди недостойны называться людьми! Недостойны жить на земле! Недостойны пользоваться ее дарами, жрать хлеб, картошку, мясо, рыбу, коптить небо.

Вот что я вам посоветую: не отдаляйтесь от людей, принимайте мир таким, каков он есть, иначе вас раздавит одиночество. Оно страшнее войны.

«Людочка» Виктор Астафьев

В беде, в одиночестве люди все одинаковы.

Галина Колобова

* * *

Одиночество — это болезнь,
Незаметная вроде бы глазу,
Всё куда-то спешишь. И не сразу
Жизнь слагает нескладную песнь.

Одиночество — это судьба,
Лист бумаги, исписанный криво,
Не всегда получалось красиво,
А в итоге — свободы раба.

Одиночество — это печаль,
Душу медленно так разъедает,
И душа день за днём умирает,
Не насытившись счастьем.

А жаль...

«Звездопад» Виктор Астафьев

Но ведь тому, кто любил и был любим, счастьем, есть и сама память о любви, тоска по ней и раздумья о том, что где-то есть человек, тоже об тебе думающий, и, может, в жизни этой суетной, трудной и ему становится легче среди серых будней, когда он вспомнит молодость свою — ведь в памяти друг дружки мы так навсегда и останемся молодыми и счастливыми.

Один поэт сказал: "Любовь - старая штука, но каждое сердце обновляет её по-своему"

Елена Ткачевская

* * *

Ожидание писем — занятие пустое...
Подбираю слова, фразы мысленно строю,
как тебе о себе сообщу в переписке,
что прочтёшь, пребывая в пространстве неблизком.
Передумала всё над пустою страницей...
Вот и долгая ночь уж к рассвету клонится.
Но случайно зачем-то нажала "отправить" —
и пустое письмо сохранишь ты как память.
Будешь думать: "Какое письмо не простое..."
Ожидание писем — занятие пустое?

29.04.2018

Елена Ткачевская

* * *

Эти шесть букв меж нами как связка сУдеб,
как предсказание жизни, которая будет.
Эти звонки, эти письма в потоке событий —
с ними не позабыть нам
эти шесть букв, слепленных в слово,
как ощущение чуда земного и неземного.

17.02.2024

Наталья Божор

МОРЕ

Белый
Стих
Это
Море
Бирюзовая
Пена
Крылья
Рассвета
Ветер
Заката
Строкой
К Тебе

Наши
Руки
Встретятся
В Ночи
В этой
Встрече
Столько
Мглы
И Света
В поцелуе
Раннего
Рассвета
Наших
Рук
Волшебные
Ключи

Твой
Образ
Для
Меня
Прекрасное
Виденье
Небесного
Достойное
Огня
Твой
Образ
Для
Меня
Мечта
Стихотворенье
Звезда
Любви
Сиявшей
Для меня

Август
Звездой
Уходящей
Отблеском
Лета
Август
Рассветом
Выходит
Из чащи
Лёгким
Рассветом
Звездой
Уходящей

Нежность
Облетевший
Сад
На пороге
Вечности

Когда-нибудь
В рассветном
Серебре
Нас
К Встрече
Призовёт
Звезда
Надежды
Тот
Ветер
Серебристый
И безбрежный
И Всадник
Тот
На солнечном
Коне

Ветры
Стихают
Падают
Звёзды
Птицы
Уносят
Мой
Стих
На Рассвете
К Морю

«Царь-рыба» (сборник) Виктор Астафьев

Кто держится на своих собственных ногах, живет своим умом, при любом соблазне хлебает только под своим краем, не хватая жирных кусков из общего котла, характер свой на дешевку не разменивает, в вине себя не топит, пути своей жизни не кривит - у того человека свое отдельное место в жизни и на земле, заработанное им и отвоеванное. Остальное все в хлам, в утиль, на помойку!

Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот долдоним: дети – счастье, дети – радость, дети – свет в окошке! Но дети – это еще и мука наша! Вечная наша тревога! Дети – это наш суд на миру, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу – все наголо видать. Дети могут нами закрыться, мы ими – никогда. И еще: какие бы они ни были, большие, умные, сильные, они всегда нуждаются в нашей защите и помощи. И как подумаешь: вот скоро умирать, а они тут останутся одни, кто их, кроме отца и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъятиями? Кто поймет? Простит?

С детьми и собаками Аким умел ладить, они его любили – верный признак души открытой и незлой.

Запомни: все может только Господь Бог

Все мы, русские люди, до старости остаемся в чем-то ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигающего душу, покрытую окалиной грубости, но в середине незащищенную, которая и в изношенном, истерзанном, старом теле часто ухитрится сохраняться в птенцовом пухе.

Вам доводилось когда-нибудь видеть вынутую из кузнечного горна полосу железа? Еще не совсем остывшую, на концах и по краям еще красную, а с боков уже сиренево и сине отливающую? Сверх того, окраплена рыба пятнами, точками, скобками, которые гаснут на глазах. Ко всему этому еще гибкое, упругое тело – вот он каков, ленок! Как и всякое чудо природы, прекрасный ее каприз сохраняется только у «себя дома». На моих глазах такой боевой, ладный ленок тускнеет, вянет и успокаивается не только сила его, но и окраска. В портфель я кладу уже вялую, почти отцветшую рыбину, на которой остался лишь отблеск красоты, тень заката.

Леонид Патралов

РОДНАЯ СТОРОНА

Посвящается Василию Белову

Седой дымок над крышею тесовой,
крик дергача в некошеной меже
и тихий звяк воротного засова –
ну почему всё копится в душе?

О чем скрипит старинная подвода,
коль трактора грохочут у реки?
Зачем с бугра в любое время года
всё кто-нибудь глядит из-под руки?

А что бормочет, боек и неистов,
во мгле снегов родившийся ручей,
или река под берегом лесистым
в беспамятстве сиреневых ночей?

Что говорят – всем юным и горячим,
терявшим матерей и сыновей –
нежданно из гнезда упавший грачик
и одинокий ястреб в синеве?

Чем так томит, во всю благоухая,
крапива в подзапущенном дворе,
когда петух жар-птицей полыхает
за кособокой баней на заре?

А как печалит меркнущая осень!
Что происходит все-таки в груди,
когда бодрит сверкающая озимь
иль огонек далекий впереди?

Какая грусть, какая боль и сила
в завьюженных полях заключена,
и отчего, как мать, до слёз красива
и дорога родная сторона?

Всю жизнь искать и ждать на то ответа,
покуда будем родиной дышать, -
и потому всегда поёт про это,
горюя или радуясь, душа...

(Леонид Патралов. Гроза на родине.
Стихотворения. 1998.
ПФ «Полиграфист», г. Вологда)

Ольга Гурьянова

МОЯ ВОЛОГДА

Облака лежат на земле -
Вологодчина...

Вот такая досталась мне вотчина.
Храмы в зеркале вод отражаются -
Небеса с землею встречаются.
Кружева сплелись деревянные,
И покрыли собою здания -
Это предков моих умения
Превратили дома в творения.
И сама, как снежинка, раскинулась
На полях, на лугах российских
моя Вологда.

Красоту её мудрено узреть, -
Надо прежде того душой прозреть.
Её внешность - неброская, -
Где «ангелов со сто» - просто там.
Тишина, покой, благодать с небес...
Заболел душой - излечился здесь.
Льется тихий свет на дома людей, -
Он невидимый, - нет его сильнее.
Тыними очки повседневности
И вглядись в лицо вечной древности.
Моя Вологда...

«Кража» Виктор Астафьев

Только детям спасительно дано все запоминать и все забывать.

...сладкая грусть воспоминаний очищает человека и счастлив тот, кому есть что вспомнить хорошее.

Елена Ткачевская

* * *

Барбос, бегущий краем огорода,
наверно, чувствует, что я его боюсь,
что я его слабей и мне всего три года,
но вырасту, с Барбосом подружусь.
И были куры, кролики, коты,
коза — не сыщешь сказочней соседства.
Не оставляя ощущения пустоты
уходит без прощаний детство.
И улетели пчёлы роем прочь,
из сада тихо в лес ушли ежи.
Никто ко мне не обратится: "Дочь".
И это тоже надо пережить.

11.11.2021

Маргарита Новикова

О повести В. Астафьева «Кража»

эссе

Виктор Астафьев — один из ярчайших представителей поствоенной советской литературы. Писатель, чьи произведения проникнуты пронзительной искренностью и болью за свой народ, вынужденному терпеть беды и лишения, что выпали на его долю в XX веке. Речь пойдёт о его повести «Кража». Действие происходит в детском доме в г. Крассветске (Игарке).

Север. 1939 г. Начинается повествование со смерти одного из воспитанников и реакции его товарищей на это трагическое событие. Все они уже хлебнули горя сиротства. У некоторых родители в ссылке, некоторые в тюрьме, а некоторые — расстреляны.

Несколько воспитанников совершают кражу денег из кассы бани. Просто так из озорства. Кассиршу арестовывают, а её детей определяют в тот самый детдом. Один из главных героев Толя Мазов осознаёт всю низость поступка и хочет возвратить деньги. Но часть их уже потрачена на кино, сладости, папиросы. Но не все ребята, участвовавшие в краже, готовы пойти с повинной. И сумма компенсируется за счёт другой кражи.

В конце концов, подростки сознаются в содеянном и кассиршу освобождают из-под ареста, а её детей возвращают в семью.

Через весь рассказ проходит тема ожидания весны. В заполярном городке все с нетерпением ждут её прихода. И уже есть первые признаки, но снова возвращается зима с метелями и морозами. Описания природы в повести это отдельная поэма.

Но весна всё таки наступает, а с ней подростки как бы прозревают, осознав, что же они натворили. И помогли им ангелы хранители детского дома: заведующий, бывший белый офицер — Валериан Иванович Репнин (прототип: Василий Иванович Соколов) и кухарка, сестра-хозяйка тётя Уля. Возле них детские души оттаивают и отогреваются сердца. Не имея специального образования они обладают всеми высокими моральными качествами Педагога: добротой, мудростью, чуткостью. Ребята эта чувствуют и тянутся к ним.

Это история о взрослении, становлении личности, сохранения человечности в тяжелейших условиях заполярного городка в предвоенного времени.

Эту книгу хорошо бы прочитать всем подросткам и подумать над ней.

«Васюткино озеро» Виктор Астафьев

Много ещё, очень много в нашей стране безымянных озёр и речек, потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни броди, всё будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Середина озера напоминала сейчас раскалённую печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они мигом испекутся, запахнет горелым и вкусным.

Всё замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук — неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или лёгкий шум ветра в вершинах бородатых елей и корявых лиственниц, может быть, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень. Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу.

«Последний поклон. Повесть в рассказах» (сборник) Виктор Астафьев

Детская память, конечно же, колодец, и колодец со светлой водой, в которой отражается не только небо, не только все самое яркое, но прежде всего поразившее воображение.

Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...

— Военное время, — втолковывал профессор, — страшно прежде всего тем, что человеческая жизнь как бы убавляется в цене, а кое для кого и вовсе ее теряет. Происходит это от распушенности имеющих хоть какую-то власть над людьми, и необязательно большую.

Везде нужны в работе самоотверженность и любовь.

Евгения Белова

Хозяин

Огромным сочным апельсином солнце закатывалось за лес, и когда вершина самой большой ёлки зацепилась за его бок, из солнца вдруг брызнул яркий сок и начал расцветивать снизу лёгкие облачка, переходящие от одного к другому. Сок этот сгущался на свободе и из золотистого становился красным и оранжевым, как будто там, вдали, разгорался пожар. Но Ванятку обмануть было невозможно. Уж он-то хорошо знал, что сначала вдали должен был показаться чёрный дым, а уж потом огонь, как это было года два назад, когда горела соседняя деревня. Ванятка стоял, поражённый невиданным закатом, когда вдруг на горизонте показалась странная туча, которая, словно живая, быстро менялась в размере и по краям. Туча приближалась и стала теперь похожа на ветхую полупрозрачную тряпку, которой Сенька, его сосед, гонял голубей. Через минуту загадочная чёрно-серая тряпка вытянулась в широкую извилистую полосу и двинулась прямо на Ванятку. Теперь уже ясно было видно, что это вовсе не тряпка, а сплошные чёрные птицы, которые, сбившись в одну огромную стаю, пролетали молча над его головой.

- Фь-у-у, - свистнул Ванятка, - это сколько же пшена надо, чтобы их прокормить! Телеги две, наверное, не хватит.

Но тут он вспомнил, что мать давно уже велела ему накормить кур, тех самых двух старых и хромых кур, которые и яйца уж совсем почти не несли, но которых мать всё не решалась зарезать.

- Ма! – влетел Ванятка в избу, - Давай пшена. Пойду кур кормить.

- Эка! Пшена ему давай. Да было бы пшено, я б тебе первому из него кашу сварила, а не курам скармливала. Ты, вон, крапивки им поруби да покорми.

- Крапива жа-алится...

- Рукавицы надень. Уж не маленький. Соображать нужно.

Через короткое время мать услышала на дворе странные звуки. Выглянула и ахнула. Её Ванятка, разложив пуки крапивы на завалинке, отчаянно рубил их топором. От доски летели щепки вместе с остатками крапивы, а по двору, отчаянно кудахтая, метались иступлённые куры.

- Ванька, что ж ты делаешь, подлец ты эдакий? Всю скамейку изрубил. Да кто ж крапиву топором-то рубит? Ножом надо, ножом! Отца на тебя нет!

Немного смущённый Ванятка пробормотал:

- Так бы и сказала: «нарежь».

- Мал ты ещё мать учить-то...

Ванятка, вихрастый синеглазый мальчик семи лет, был единственным человеком в полуразрушенной деревне, кто не знал, есть ли у него отец или нет. За полтора года после войны потихоньку, по одному, в деревню возвращались мужики, кто целый, кто увечный. В несколько домов пришли бабам похоронки. И только Наталья, ваняткина мать, не имела о своём Григории ровно никаких известий. Хозяйство давалось ей трудно, и под этим предлогом стал к Наталье навещать Евдоким, вдовец. Наталья вела себя настороженно, на лезть не поддавалась, частично потому, что ещё верила в мужнино возвращение, частично потому, что видела, как часто Евдоким прикладывается к спиртному. И однажды, когда он пьяный ввалился в избу и потребовал снять с него сапоги,

Ванятка бросился к матери наперерез и закричал:

- Ты что, его слуга, что ли? Не снимай, мамка, пусть в сапогах дрыхнет!

Мать удивилась, но в глубине души и порадовалась, что сын не даёт её в обиду, хоть и маленький. А Ванятка после этого никого из мужиков не стал во двор пускать.

- Прямо, как пёс цепной, - жаловалась Наталья тётке Глаше. – Подождёт, когда кто забор починит или трубу прочистит и начинает свою песню: « Ты бы, дяденька, уже шёл к себе домой. Мы с маманькой спать собираемся ложиться». И глаз не спускает, пока тот не уйдёт.

- Ты уж слишком воли много ему даёшь. Что он понимает-то? Не мужик ещё, вот и не понимает. Тоже мне – хозяин.

Всерьёз или в шутку, но за Ваняткой это прозвище «хозяин» осталось. Не обидное совсем, а наоборот, уважительное, и Ване очень нравилось. Грудь у него пошла колесом, какой-то басок появился, да и в самом деле, хоть его никто не учил, рука стала твёрже и более спорой. Он натаскивал в дом хвороста, чинил, где мог, прогнившую стену сарая или менял досщечку в заборе, собирал грибы, ловил рыбу и копал, наравне с матерью, картошку, да так зорко в ямку смотрел, что ни одна картофелина, хоть с горошину, от его глаза не могла упрятаться. В школу он не ходил, потому что в деревне её просто не было, а читать по буквам учился у голубятника Сеньки, который, хоть и умел читать, в деревне слыл лентяем и «буржуем». Читал Сенька одну и ту же книгу – «Робинзон Крузо», которая неизвестно каким образом оказалась ещё до войны в его доме. Работать Сенька не любил и не работал, а гонял только голубей и мечтал стать настоящим пиратом. Был он с виду прост и безобиден, но за всем этим крылась какая-то хитрость, как у толстого домашнего кота, которому лень было ловить мышей. Белобрысый, совсем без ресниц и с красными глазами, Сенька был прожорлив, держал себя барином среди немногочисленной местной детворы, и на голубях неплохо наживался. Всякий, которому не терпелось минут пять погонять голубей, должен был приносить ему дань – лепёшку или морковку, украденную у матери, яблоко, гвоздь, а главное, папиросу. Папироса стоила дорого, за неё голубей можно было гонять дольше. Сенькин отец, такой же белобрысый, как сам Сенька, но только с ещё более красными глазами, вернулся с войны совсем больным и слабым и на Сеньку никакого влияния не оказывал, а у матери, обожающей сына, находился под каблуком.

Читал Сенька плохо и совсем неинтересно, по слогам, но содержание книги знал хорошо и в основном рассказывал, а заодно учил читать Ванятку. Показал как-то раз ему две буквы – «р» и «о» и велел малышу искать эти буквы во всей книге, посулив назвать другую букву только когда Ванятка дойдёт до последней страницы. Это его устраивало и давало возможность не тратить силы на обучение. Чтение «Робинзона» оказывало на Сеньку и Ванятку совершенно разное действие. Сенька в глубине своей буржуйской души мечтал только о Пятнице, который подчинялся бы ему беспрекословно, а Ванятка втайне мечтал стать таким же сильным, упорным и сметливым, как Робинзон.

- Эх, - говорил он, - оказаться бы мне на необитаемом острове, я бы им всем показал... Только где этот остров возьмёшь-то?

- А вон, - однажды предложил Сенька, - на нашем острове чем плохо? Только ты там и трёх дней не выживешь.

Посреди реки, около которой стояла деревня, действительно, был небольшой островок. По погожим дням оба на лодке переезжали на него ловить рыбу и поваляться у воды на песке. Рыба почти не ловилась, а долго валяться Ванятка себе не позволял, потому что боялся, что без него в дом проберётся Евдоким и поселится у них окончательно. Зорко следил Ванятка за матерью, чтобы Евдокима не приваживала. Однако замечание Сеньки, что ему, Ванятке, и трёх дней на столь знакомом острове не выжить, мальчика заметно укололо. Вся его мужская гордость и упрямство восстали против такого подозрения.

- А вот спорим, проживу, - в запале прокричал Ванятка. — Спорим, проживу!

Хитрый Сенька, глядя на Ванятку, захотел сразу за его счёт пожить и тоже крикнул:

- На что?

- А на что хочешь!

У Сеньки сразу перед глазами мелькнул заветный компас, который ему не раз показывал Ванятка.

- А на компас давай!

Ударил по рукам — отчаянный Ванятка, выросший в безотцовщине, и хитрый Сенька, презиравший своего слабого отца.

Договорились, что завтра же Сенька на лодке перевезёт на остров Ванятку, а тот будет жить совсем безо всего и голоса три дня подавать не будет. Но если закричит раньше, то компас уже будет Сенькин. На следующее утро, когда ещё над рекой стоял густой туман, Сенька перевёз Ванятку и оставил его там одного одинёшенького. Ванятка был не робкого десятка, остров ему был знаком, слава Робинзона Крузо кружила голову, и мальчишка сразу принялся за обустройство жилища. Нарвать лапника труда не составило, и вскоре на берегу возвышалось ложе, на котором предстояло провести три дня. Однако к полудню захотелось есть, а ягод на острове почти не было. Ванятка занялся рыбной ловлей. Он сразу отнёс мысль об остроге из-за отсутствия материала и стал ловить мальков своей рубашкой. Соорудив из неё подобие мешка с завязанными рукавами, он стоял на прогреваемой части речной воды около берега, раскинув руками свой сачок, и терпеливо ждал, когда хоть какая-нибудь рыбёшка туда заплывёт. Но рыбка не шла. Солнце палило спину нещадно. Ванятка поплавал немного, а потом опять, растопырил в воде руки и ноги в тщетной попытке поймать рыбу. Часа через полтора он стал сердиться на упрямую рыбу, спокойно себе плавающую совсем под носом, и стал бросаться со своей рубашкой на стайки мальков. Но рубашка только громко хлопала воздушным пузырьком по воде и пугала рыбу. Совсем забыв о Робинзоне и уступая только страстному желанию положить что-нибудь в рот, Ванятка пристроил по течению свою рубашку, закрепив её на воткнутых глубоко в песок палках, и отправился вглубь острова в поисках чего-нибудь съестного. Вскоре наткнулся на знакомое кострище, где когда-то пекли картошку, но муравьи не оставили там и шкурки от картофелин. В глубине острова роились кусачие комары, и Ванятка, отмахиваясь от них изо всех сил веткой, готов был расплакаться. Что-то в душе его подсказывало, что прожить здесь три дня, не подавая голоса, не так-то просто. Две сыроежки его слегка взбодрили, потом вылез подберёзовик, который тоже отправился в рот, несколько мелких ягод дикой малины и чуть-чуть костяники.

Ванятка, привыкший к голоду, немного ожил и вернулся к реке, в которой по-прежнему, дразня его, играли в воде с тенью от рубашки маленькие рыбки. Мальчик вспомнил, что когда-то они с другими ребятами на противоположном берегу острова ловили раков, и отправился туда. Обгоревшая под солнцем и покусанная комарами спина отчаянно болела и чесалась, пока Ванятка не добрался, наконец, до рачьего царства. Опять вода на время залечила спину, но раки тоже куда-то попрятались. Ванятка в их поисках отчаянно водил руками под корягами, топтался в нетопком иле, но раков как не бывало. И вдруг, наконец, увидел синюю спинку маленького, как будто уснувшего рака. Ваняткина рука протянулась, схватила быстро эту спинку, но вытащила только никому не нужный панцирь, от которого противно пахло. Уставший, голодный и порядком расстроенный Ванятка пошёл к своему лежбищу. Солнце клонилось к горизонту. Становилось прохладно. Но вскоре эта прохлада сменилась ощущением невероятного холода, желанием залезть куда-нибудь под одеяло, поближе к печке, надеть валенки, натянуть на голову мамкин ватник. Ваню колотил озноб, его зубы непроизвольно бились друг о друга, голова кружилась, и мальчик потерял ощущение реальности. Он видел, как в его рубаху залез Евдоким, хищно оскалившись, как щука, как Сенька перелетал через океан на компасе, держась руками за стрелку и поворачивая её, как руль, в разные стороны.

Было темно, но совсем не страшно, потому что мальчик потерял сознание.

Он не видел, как по берегу мечутся люди с огнями, не слышал, как они кричали на все голоса: «Ваня!», «Ива-ан!», «Мальчик мой!», как теребят Сеньку: « Скажи, куда он делся. Знаешь ведь, небось?». И не видел, как Сенька показывает на остров.

Очнулся Ванятка в совсем незнакомом, каком-то совершенно белом месте. Над ним склонилась мужская голова в очках, с коротенькой бородкой.

- Ну вот и ожил, - сказала голова, - а вы не верили. Не-ет, наш мужичок жилистый, обязательно должен выжить. Так, что ли, Иван?

- А вы кто? – слабо прошептал Ванятка.

- Я-то? Доктор я. Ну спи, спи. Сон, он полезный. Спи, брат, пока есть возможность.

Домой из города Ванятку привезли на телеге уже поздно осенью. Вёз на своей лошадёнке, старой, как и её хозяин, дед Егор. Дорога, наполовину в замёрзших на утренниках буграх, была жёсткой и неудобной. И Наталья, поддерживающая остриженную ваяткуину голову, только и причитала:

- Дедушка, ты бы полегче, что ли. Нельзя ему трястись-то, голубчику. И так уж одни кости. Неровен час, растрясёшь, опять разболеется сердечный.

- Да куда ж легче? Ты посмотри, как кляча-то плетётся. Ведь пешком, и то скорее. Она у меня лошадь понятливая, обходит, где надо. У ей у самой ноги, глядишь, ревматические...

Наталья вздыхала и думала, как-то её дорогой Ванятка теперь дома распорядится? Евдоким не давал ей прохода, торопил объединиться. Даже выпивать стал меньше. Но Наталья отвечала, что пока сын в больнице, об этом и речи не идёт. Ходила в церковь вёрст за двадцать пару раз пешком, ставила свечку «за здравие», и всё думала, какая у неё жизнь не устроенная и ваяткуиногo решения ждала терпеливо и покорно, поскольку он один в её жизни мужчиной оставался. Дома мать к Ванятке никого не пропускала. Пусть, мол, отлежится, отдохнёт от болезни и не тревожится. И как могла, кормила его, отрывая от себя последний кусок. Однажды в окно к нему постучал Сенька. Он размахивал руками и кричал что-то за стеклом. Ванятка, как ни слаб был, сполз со своей кровати и открыл окно.

- О, здорово!- зашумел Сенька. – А я за компасом!

- За каким компасом?

- А который ты мне проспорил.

- Ничего я тебе не проспорил. Мне мамка сказывала, что ты нарочно всех на остров привёл меня искать, и меня взяли сонного.

- Да ты чего, Ванька? Да если бы не я, умер бы ты там уже давно. Так что давай компас-то.

- Подавись ты им! – сердито ответил Ванятка и полез за заветным компасом в свой сундучок под кроватью.

Сенька, глазом не моргнув, выскочил обратно в окно.

Осень подходила к концу. И тем дорожке оказывались минуты, когда вдруг из разрыва между бродячими тучами, обременёнными невыпадающим ещё снегом, проникали на землю солнечные лучи. Все старики и кошки вылезали из домов на улицу погреться напоследок перед зимой. Не грелись лишь бабы, все свои силы бросавшие на последние осенние работы. Ванятка, пообещавший матери починить прогоревшую ручку ухвата, сидел на крыльце и тщательно обтачивал ножом конец толстой палки. Работа оказалась не слишком простой – то обтачивалось недостаточно, то слишком много, и тогда ухват не держался. Палка понемногу укорачивалась и приводила Ванятку в отчаяние. Он и не заметил, как в калитку прошёл высокий худой человек в полинявшей гимнастёрке, с солдатским мешком за плечом.

- Ишь ты! – удивился человек. – Ты кто ж такой будешь?

- Хозяин я, - деловито ответил Ванятка.

- Хозя-яин, - протянул солдат. - А как звать тебя, хозяин?

- Иван я. А ты, дяденька, кого ищешь?

- Гавриловых ищу.

- Ну я – Гаврилов.

- Не-е. Я Наталью Гаврилову ищу. Она ведь здесь живет? Где она?

- Ну здесь, - ответил Ванятка. – Накой она вам? Если вы свататься пришли, так нам этого не надо. Всякий свататься норовит! А мы с мамкой и без мужиков хорошо живём. Так что сразу и поворачивайте.

- Уж больно ты суров. А отец у тебя есть?

- Не-а. Я без него родился, а он не вернулся. Один только я за хозяина остался.

- Так ты что, сын мне, что ли? Может, в дом по этому поводупустишь?

- Чего захотели! Вот мамка придёт, тогда и решим, пускать или не пускать.

В это время с улицы раздался женский, в котором было что-то Ванятке неведомое, крик, и во двор влетела Наталья. Но у самой калитки она вдруг остановилась, прижала обе руки к горлу и застыла, не способная поверить в чудо, которого столько лет ждала.

- Гриша? – полувопросительно тихо произнесла она, но тут же сорвалась с места и бросилась ему на шею. – Гриша, Гришенька!

Вернулся! Господи, да как же это? Где ж ты столько времени был? Ваня! Ванюшка, это ж твой отец пришёл. Господи, радость-то какая!

Григорий обернулся к Ивану:

- Ну что,пустишь, что ли, в дом, хозяин?

Ванятка с высоты крыльца, на котором сидел, посмотрел на солдата, на чьей груди сверкали ордена, смерил его взглядом и деловито произнёс:

- Ладно уж... Тогда проходите.

Вера Павлова
Мой первый жених.

«... сладкая грусть воспоминаний очищает человека и счастлив тот, кому есть что вспомнить хорошее».

В. Астафьев

Для женщины очень важна красота волос. Красивые волосы – это самое главное. И лишь только красота глаз может соперничать с красотой волос, так как только глаза отражают состояние души человека. Это я знала давно.

Мой первый жених влюбился в меня сразу и бесповоротно. Его пленила красота моих волос. Я явилась, как небесное создание, с голубыми – голубыми глазами, с золотистыми волнистыми волосами, мягкими, как шёлк. И сразу покорила его.

Жених смотрел на меня влюблёнными глазами, ухаживал за мной, стараясь изо всех сил. Всем окружающим хотелось дотронуться до золотистых волос, но он оберегал меня и никому не давал даже прикоснуться ко мне.

Целый день с момента, когда он меня увидел, жених ходил за мной по пятам, мгновенно выполняя все мои желания. Не в пример теперешним женихам он не тянул время, а сразу сказал: «Ты такая красивая! Ты будешь моей женой».

Это был настоящий жених, о котором можно было только мечтать.

Он сразу пообещал мне завтра же подарить все сокровища, которые бережно хранила его мама. Ясно было, что он невероятно щедр. Я уходила царицей. Завтра он осыплет меня сокровищами всего мира!

Дома папа спросил: «Ну, как тебе понравилось в коллективе?».

«Очень».

«Я обещал, что завтра ты явишься в полном порядке».

Весь вечер вся семья приводила меня в полный порядок. Золотистые локоны моих прекрасных волос беспомощно лежали на полу, безжалостно состриженные рукой моей мамы.

Утром жених встречал меня в гардеробе. В руках у него было много коробок, наверное, с сокровищами. Он положил все эти коробки на небольшой стол, а сам как настоящий кавалер кинулся снимать с меня обувь, шубу и шапку...

И вдруг он остановился и замер. Его восхищённый взгляд изменился молниеносно. Он испытал сначала шок, затем растерянность, изумление, разочарование и гнев. В глазах появились слёзы, их становилось всё больше и больше, И, наконец, уже не удерживаясь в глазах, они полились ручьём.

И он заревел, произнося: «Какая ты голомозая! Я не хочу такую жену». Он так громко ревел, что прибежали успокаивать его все воспитательницы из других групп и директриса, которая, не устояв перед папиным обаянием, вчера в нарушение существующего правила приняла меня в детский сад «не в полном порядке».

Шла Великая Отечественная война. И в целях санитарии все дети в детских садах страны должны были быть подстрижены наголо. Нарушение этого правила обернулось такой трагедией.

Интересно, здравствует ли мой первый жених и запечатлелась ли в его памяти так ярко, как в моей, эта трагическая история.

Этого, к сожалению, я никогда не узнаю.

«Затеси» Виктор Астафьев

Музыка, быть может, самое дивное создание человека, его вечная загадка и улада. Никто так близко, как музыкант, не соприкоснулся с подсознанием человеческим, — той самой неотгаданной материей и вечной тайной, что живет в нас, тревожит и волнует. Люди плачут, слушая музыку, плачут от соприкосновения с чем-то прекрасным, казалось бы, умолкнувшим, навсегда утраченным, плачут, жалея себя и то чистое, дивное создание в себе, что было задумано природой, но в борьбе за существование человеком же и погублено. Музыка возвращает человеку все лучшее, что есть в нем и пребудет на земле. Я думаю, что музыку человек, может быть, слышал раньше, чем научился говорить. Возникает крамольная мысль, что вначале был шум ветра, плеск волн, пенье птиц, шелест травы и звон опадающей листвы. И только переняв у природы звук, человек сложил из него слово. Музыка и природа — это самое верное, святое и неизменное, что осталось с человеком и не дает ему окончательно одичать.

Едва ли нынче возможно спасти русского человека посредством слова, но утешить этим словом можно, поговорив с ним по душам, хотя бы на минуту приостановившись в этом житейском бедламе, вспомнив о себе, а значит, и о нём.

Елена Ткачевская

* * *

Звучала музыка, не нарушая тишины,
слова и мысли не были нужны
такому состоянию. Душа
в растерянности замирала, вороша
воспоминаний ворох. Птичья стая
прозрачной акварелью в небе тая,
всё удалялась. Вечер омывал
уставший город, как девятый вал
мелодия стихийно настигала
того, кто слышал, пережив не мало.
Потом, друг другу ставшие нужны,
звучали музыка и слово, совсем не нарушая тишины.

9.03.2019

Елена Бочина

Связующие нити

Просвящается Виктору Астафьеву (к 100-летию со дня рождения.)

Всем нам с детства знакомы сказки. Мной они особенно любимы и почитаемы и сейчас. В некоторых из них главный герой отправляется в путь в неизведанные края с помощью волшебного клубочка, пуская его перед собой и следуя по проложенному нитью пути.

И я тоже использую такой легкодоступный способ передвижения, чтобы попасть в интересующие меня места и времена.

На этот раз клубочек привёл меня в жизненное пространство Виктора Астафьева (01.05.1924 - 29.11.2001гг.)

И вот оно чудо! Столько всего оказалось знакомого! Когда -то пережитое настолько узнаваемо, что порой думается, что это написано именно про меня.

Ведь это не Васютка ("Васюткино озеро"), а я бегаю босая, находясь летом в деревне у бабушки...

Или взять, хотя бы " Царь- рыбу" - одно из любимейших моих произведений (из драгоценной копилки приобретений).

Поэтическое описание природы настолько завораживает, что не испытать восторг не возможно! Ощущение присутствия бывает настолько ярко, что по -настоящему испытываешь радость или приятное удивление, вплоть до разгорания румянца на щеках и выступления испарины на ладонях, как будто тело обволакивает мягкая нежность, или же поёживаешься и даже содрогаешься, когда что случается с героями, и, как результат: чувствуешь, что дыхание становится прерывистым, чувствуется сжатие в районе груди и живота, пальцы ступней начинают холодеть, и вот уже от бессилия что либо изменить и оказать необходимую помощь - увлажняются глаза... И так происходит повсеместно.

Вот оно истинное наслаждение неисчерпаемой красотой, силой и образностью русской речи! Путешествуя во времени по посторам, мастерски запечатлённым в произведениях Виктора Астафьева, начинаешь слышать и видеть настолько явственно, и вдыхать те же самые запахи, как будто и никуда не перемещаешься, а всё это случается с тобой здесь и сейчас.

И вспоминается что то своё, близкое и родное, схожее с прочитанным.

И, конечно же, сталкиваешься с множеством неизведанного, притягательного, которое при ближайшем рассмотрении и тесном соприкосновении тут же становится частью и моего мира, оставаясь в нём навсегда.

Приведу лишь некоторые примеры, которые наиболее совпадают с моим мировосприятием.

1. "Прокляты и убиты"

"(...не дай Бог, тюремного надзирателя или охранника, остервенело глумиться над своим же братом, истязать его...)"

Несгораемая свеча

Посвящается О. Э. Мандельштаму.

Сон ли, явь ли: ...в тифозных росах
Мёртвых тел – штабеля, штабеля...
...Ледокол, дымящий в торосах
Трубкой Кормчего у руля...
...Крысы, крысы снуют повсюду...
Тело гложет сибирский мороз.
Только я шевелиться не буду –
Обессилен, глаза без слёз.
Снова ссылка: этап, бараки –
Торжествует зловещий рок.
Белый Свет погружён во мраке
... Набросать бы хоть пару строк...
...Где я? ...Вот же – в куче отходов...
Миллионы: в – отбросы, в – хлам!
Наизнанку дружба народов.

Боже! Треснул Мир пополам.
Тонут мысли, уходят в бездну...
Боже! Время вступило в ад!
Скоро я незаметно исчезну –
Нет возврата, увы, назад.
Без разбора: слепых и зрячих
Упокоит хладное дно...
Человеков и крыс смердящих.
Боже! Как на Земле темно.
Свет затмили хвосты, усищи...
В мерзкой пасти крысиной хруст:
Жрут отбросы – им мало пищи. ...
Смерти холод коснулся уст...

P. S.

Эхо носит ветер-трудыга:
Цепь свободе куют, куют...
Неопознанные ГУЛАГа
По весне лишь найдут приют.
...В общей яме. Вторая речка.
Ком земли коснётся лица...
Но горит, не сгорая, свечкой
Сердце Осипа в наших сердцах.

2.«Прокляты и убиты» – «окопная проза», как говорили в 60-е годы, но – совершенно иного сорта: это жестокая Правда войны, ее должны знать потомки и денно и ночью помнить, дабы не повторить трагический опыт предков.

В Граале сердца

Посвящается ветеранам ВОВ (75-я годовщина Великой Победы)

*"Нашли ли вы Святой Грааль?
Его вы разгадали свойства?"*

Свет обозначил радостный орнамент
Мая, скользнув в ресницах, высветлил лицо.
Слеза катилась. Вехи жизни память
Обнажила. Запел осанну хор скворцов.

Дедуля — в дрёме. Кровоточат силы,
Через рубцы сочась, в покой небытия.
Но ангельский нетленен голос: "Милый..."
И шёпот сходит с губ: "Любовь моя..."

Военных вёрст не сиротеют строки
В знамёнах Вечности, под росами души
Непокорён. Пусть вдов, но он не одинокий,
Её портрет с ним рядышком лежит.

Разлуке — спутнице бесчеловечной —
Он не предъявит ввек любимой лик,
Всупор тоске, пронзающей картечью,
Священность неделимости постиг.

В извечных ранах — души и Отчизна.
Стезя проложена через кромешный ад.
И огонь Вечный возжигал на тризне
Из лет земных Руси простой солдат.

О край родной! Что сей награды выше?
Лишь к Храму Вечному восторженный полёт.
И в нотах имени любимой слышать
Нектары упоенья, Жизни мёд.

Все в нерушимой слитности незримой:
И мальчик, и солдат седой, как лунь,
С Граалем в сердце, где строкой единой —
Отчизна, близкие и огневой июнь.

18.04.2020 г.

3. "Вот что я вам посоветую: не отдаляйтесь от людей, принимайте мир таким, каков он есть, иначе вас раздавит одиночество. Оно страшнее войны."

Пелена души

Потомкам

Уже на подступах к Берлину
В сердцах главенствует весна.
Войны прикрыт оскал звериный:
Близка Победа и ясна.

И окраплялось бездорожье
Скупой солдатскою слезой.
И лагерной немела дрожью
Заря, с надеждою святой.

Четыре страшно горьких года,
Где павших - непомерен счёт,
Честь защищая и свободу,
Преодолея врага народ.

От маршала и до штрафбата
Гремит победное "Ура!!!"
В слезах братаются солдаты:
"Родимые, домой пора."

И над руинами Рейхстага,
В единстве: армий и тылов,
С триумфом рдеющего стяга
Светило мирное возшло!

Она пятну подобна масла,
Что на поверхности воды.
Напыщенна и безучастна.
И горестны её плоды.

И нет стыда и покаянья
У этой злейшей из химер.
Не может быть и оправданья
Ей, худшей из грехов и скверн.

На плоской грани безучастья
С железной хваткой мертвеца
Тускнеет жизнь, мелеет счастье.
Законы попораны Творца.

Ты всех греховнее, ГОРДЫНЯ,
Души бессмертой пелена.
Твоя опора и твердыня
Лишь одиночества стена.

Упрямо истребляя сходство,
Общенья отдаляя круг,
Ты сеешь щедро чужеродство,
Пустыню простерев вокруг.

Не умирайте же от жажды!
Не приглушайте сердца стук!
Обрящет тот, кто Бога страждет,
Греховный одолев недуг.

4. "Но ведь тому, кто любил и был любим,
счастьем, есть и сама память о любви, тоска по
ней и раздумья о том, что где-то есть человек,
тоже об тебе думающий, и, может, в жизни этой
суетной, трудной и ему становится легче среди
серых будней, когда он вспомнит молодость свою
— ведь в памяти друг дружки мы так навсегда и
останемся молодыми и счастливыми."

Основа

Взаимно, а порой неразделённо,
(О сколь ещё не создано поэм!)
Летели дни, Творцом взаймы вручённых
С охапкой встреч, я не забыла, с кем...

Тебе вверяю прошлого конверты
Со штемпелями, чуть дрожит рука...
Тогда влюблялась в миг до полусмерти,
Незрелый почерк флиртовал в строках,

Вальсировал в пыли полунамёков...
О, сдержанность пульсирующих фраз!
И кружево почтовых монологов
Мне теплит послевкусье и сейчас.

Не постаревши, с редких фотографий
Всегда улыбкой одарят друзья.
И те, под вензелями эпитафий,
Всегда живыми будут для меня.

С тобой делить родной мотив былого,
Пройти стезёй обратной сквозь просвет,
Пока не поздно: в отчуждённо-новом,
Живой, не электронный трогать след.

Припасть, как к матери, к груди Вселенной,
Вбирать душой святыне небеса,
Прочтя страницы Книги Книг нетленной,
С волненьем приглушая голоса.

Из наших уст любви живое слово
Ввысь, в небеса, как Ангел воспарит.
Родных пенат незыблема основа,
Вспоённая всеблагостью молитв.

26.06.- 28.06.2020

5. "Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них."

"... окраплена рыба пятнами, точками, скобками, которые гаснут на глазах. Ко всему этому еще гибкое, упругое тело – вот он каков, ленок! Как и всякое чудо природы, прекрасный ее каприз сохраняется только у «себя дома». На моих глазах такой боевой, ладный ленок тускнеет, вянет и успокаивается не только сила его, но и окраска. В портфель я кладу уже вялую, почти отцветшую рыбину, на которой остался лишь отблеск красоты, тень заката."

Полосатики

Шли рыбаки с садками грузными
(Вновь счастье срощено с бедой).
Увы, но лучепёрым узникам
Не жить в стихии не родной.

Все тонкости познав на практике,
Верны уловкам рыбаки.
И невдомёк им, полосатикам,
Что под приманками - крючки.

Беспомощно глазела лунками
В след обитателям река,
И к ним тянулось солнце струйками,
С сочувствием, наверняка.

И гладило чешуйки жёсткие
И трепетало в плавниках...
Плыл гвалт, в нём зыби философские
О вероломстве и правах...

В садках же застывали окуни
Всё меньше судорог- рывков...
А в небесах плескались: оканье
И смех везучих рыбаков.

06.02.2023

6. "Всё замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук — неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или лёгкий шум ветра в вершинах бородастых елей и корявых лиственниц, может быть, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень. Что-то должно родиться из этой тишины."

В четыре руки

Опираясь на откровенья,
На душй негасимый свет,
Храм возводим - любви служенье -
Тот, который в сердцах воспет.

В горизонтах Творенья Мира,
В зеркалах бездонных глубин
Мы стяжаем Небесное миро -
Сгустки клеток живых картин,

что сочатся в щель временнóу,
И рождаются здесь, сейчас...
С силой Божией, одесную,
Через души взаимосвязь.

В тёплых грёзах сонного сада -
Дрожь нимфейных теней прудá,
Звёзд прозрачная серенада -
Сложность мира и простота.

В повседневностном, суетливом,
Сыпкой тленности вопреки,
Слитность душ: в труде кропотливом,
И крылатость в четыре руки.

7. "Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине..."

Ностальгия

Посвящено А.Н. Вертинскому (период эмиграции).

Поздний вечер поник головою.
Ветер дуться устал и притих.
И пожухлой осенней травой
Шелестит недописанный стих...

Иногда начинает казаться,
Будто ночи не видно конца...
И рассветы не будут плескаться
По росе у родного крыльца.

Ну, зачем я вздыхаю и плачу,
О былом начиная грустить?
Я напрасно, лишь, время потрачу...
А не лучше ли грусть отпустить?

И тогда долгожданная зорька,
Просиявши, вольётся в окно...
Промелькнула мечта, да и только.
На душе изболевшей темно.

Не щебечут весёлые птицы,
И никак не настанет рассвет...
На давно пожелтевшей странице
Не дописан последний куплет.

8. "Музыка, быть может, самое дивное создание человека, его вечная загадка и улада. Никто так близко, как музыкант, не соприкоснулся с подсознанием человеческим, — той самой неотгаданной материей и вечной тайной, что живет в нас, тревожит и волнует. Люди плачут, слушая музыку, плачут от соприкосновения с чем-то прекрасным, казалось бы, умолкнувшим, навсегда утраченным, плачут, жалея себя и то чистое, дивное создание в себе, что было задумано природой, но в борьбе за существование человеком же и погублено. Музыка возвращает человеку все лучшее, что есть в нем и пребудет на земле".

В объятиях романса

Под струями дождя не мокли вишни,
Пылая в неге спелостью румянца,
Переполняясь звуками чуть слышно,
Забыв про всё в объятиях романса.

Седой скрипач и образ девы юной
Сливались с ночью в глянце фортепьяно...
Самозабвенно чувственные струны
Струились, ластясь, в томное сопрано.

И пульс старинных клавиш виртуозно
Овладевает сердцем пианиста,
Полётом чутких пальцев, перехлёстным.
Пленяет нотой первозданно чистой.

Летел аккорд в просторы поднебесья.
Любовь обворожила мирозданье.
И плачет ночь, в объятых дивной песни,
В блаженный час заветного свиданья.

И пряча грусть в промокшие одежды,
Целуя вишен щёки наливные,
Поверив в счатье, как когда-то прежде,
Ночь раскрывает чары неземные.

P.S.

О, песнь любви, что проникает в душу!
Я жаждой сладостной объята вновь:
Скрипач, тебя лишь, с упоеньем слушать,
И петь тебе про вечную любовь.

Апофеоз

Посвящается Моцарту

На гребнях нот взмывал камзол парчовый.
И волны музыки вздымают грудь тиши.
К плечу прижался инструмент смычковый,
Настроившись на пульс его души.

Давно в годах, но сердцем — бесшабашный,
В напудренном завитом парике
Он с Хроносом сошёлся в рукопашной:
Смычок, не шпагу он держал в руке.

В экстазе страстном пересохла губы,
Но поле битвы он не покидал.
Улыбкой озарялся белозубой,
Отбросив набежавшие года.

О, яркое скрипичное сраженье!
Бессмертных нот души апофеоз!
Стоит на пьедестале поражения
Суровый Хронос, не стесняясь слёз.

Знаменье единения столетий
В копилке обретений и утрат:
Живой мотив — участник и свидетель,
И пульс души, незнающий преград.

Волшебный клубочек, как в сказках, в очередной раз доставил меня туда, куда обычным путём не получится ни дойти, ни доехать.

Проникновение и соприкосновение с многогранным миром Виктора Астафьева никогда не может оставить меня равнодушной или разочарованной, освежая в памяти или накапливая что либо новое, и непременно ценное. Желаю и всем вам впитывать душой и сердцем как можно больше произведений выдающихся авторов, чтобы, как и мне, вам посчастливилось стать сопричастными с ярким талантами, коих не мало рождает наша Матушка Сыра Земля.

Татьяна Чернова

Меж земным – и Вечностью

Чтобы делать добро, помочь человеку,
не обязательно знать его язык, его нравы,
его характер — у добра везде и всюду
один-разъединственный язык,
который понимает и приемлет каждый
Божий человек, зовущийся братом.

[\(Виктор Астафьев. Прокляты и убиты\)](#)

Продолжается реставрация
На втором этаже дворца.
В синих бликах иллюминации –
Меловая бледность лица.

Где же дух твой усталый мечется?
В пустоте – меж земным – и Вечностью
От каких спасаясь обид,
Жизнь в отчаянии скользит,
Потеряв для тебя значение...
В синей хвое гирлянд свечение.

Храм усадебный уставлен свечками,
Тёмен лик Судии, и суров.
Покачнулась в сторону Вечности
Чаша грозных Его весов...
Я портьеры на окне задёргиваю, –
Не соскальзывай в Ночь студёную.

Как могла я просить напрасное!
Боги разные у нас и веры – разные.
Как у Ночи тебя отнять?
Как позвать тебя, и как обнять?

Декабрь 2020-январь 2021.

В обложке – с именем моим

Маг одержимый, дух премудрый,
Не мне понять, не мне решить,
Как - в паутину снов, пред утром,
Моей судьбы вплетаешь нить...
И душу, полную добра,
Пришедшую в сей мир чудесный
Любовь – безумия сестра
Уже ведёт по краю бездны.

Я на ходу взлечу в вагон,
И вот, в колёсном перестуке,
За перегонном перегон
Летит – от встречи до разлуки.
Но отстранённо нелюдим
Листает скучно книгу жизни
В обложке – с именем моим
Премногомудрый чернокнижник.

Где виноградная лоза
Вплелась в чугунную ограду,
Каштаны застыли небеса,
Суля тенистую прохладу –
Мечтала я изобразить
Оттенки утреннего неба,
И подлетающих, кормить
С балкона чаек белым хлебом...

А вот и дом на старость лет,
И прелесть сумрачного сада,
Дитя, рождённое на свет –
Души нежданная отрада...
Но мудрый тот - глядит в упор,
Мои грехи перечисляет,
И наш безмолвный договор -
Он мне сегодня предъявляет.

Дверь, распахнутая в небо

... для В. Астафьева ... дисгармония
заложена изначально и в человеке, и в мире...
(В.Н. Яранцев. О мировоззрении В. Астафьева)

Отсюда – где клевером ветер пропах,
А в воздухе – птичье звенящее пенье,
Душа, преодолевая страх –
Покинуть привычное измеренье –

Одна, через явленную ей дверь –
Туда, где никто из живых ещё не был,
Едва различив отдалённую трель –
Уйдёт в раскинувшееся Небо.

Цветение яблони, или сирени,
Вздых ветра, пьянящего, как вино,
Донесшего благоуханье растений –
Ей, стаявшей облаком – всё равно.

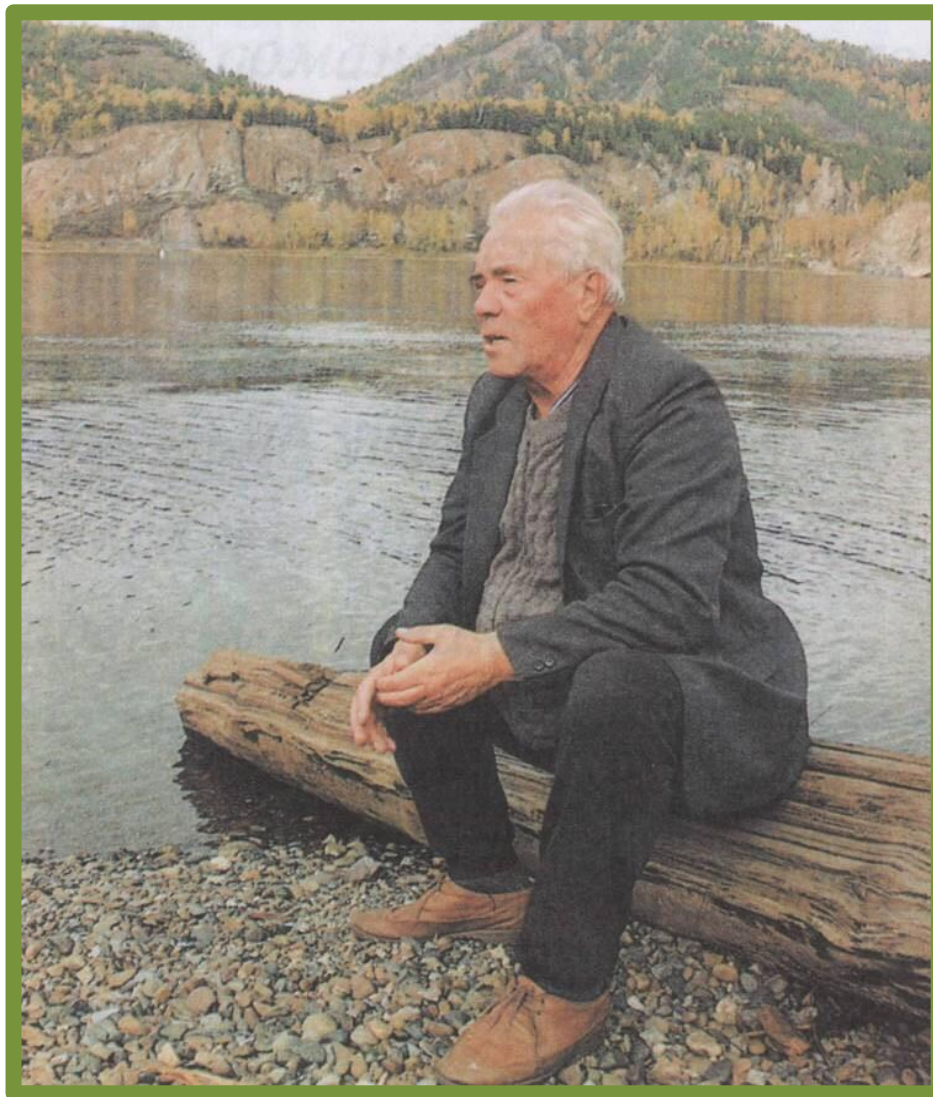
И вдруг ей откроется в тот момент,
В плену восходящей волны потока,
Что мир этот – только эксперимент
Ещё совсем молодого Бога.

И клин – журавлиный? Гусиный?
И абрис церквушки вдали,
И бледное солнце сквозь иней
Над снежным пространством земли.

Откуда стремление к богу
Мечтательной русской души?
И белую мерит дорогу
Поверхность рифлёная шин.

И дни мои смыслом наполнит
Чужое житьё и бытьё.
Не любит, не плачет, не помнит
Застывшее сердце моё.

Память о писателе

«Астафьевские чтения» – традиционные встречи почитателей творчества Виктора Астафьева, где обсуждаются и исследуются его произведения.

В этом году мероприятие приурочено к 100-летию со дня рождения писателя. Центральным событием станет **Всероссийская научная конференция с международным участием «Астафьев и его эпоха: исторический, национальный и социокультурный контексты»**, которая пройдет 29 апреля – 1 мая 2024 года в очном и дистанционно-синхронном форматах.

Основные направления конференции:

- **Творчество Виктора Астафьева и литературный процесс XX-XXI веков**
- **Язык произведений Виктора Астафьева и языковой региональный компонент**
- **Проблемы развития сибирской культуры XX-XXI веков**
- **Творчество Виктора Астафьева в контексте межкультурной коммуникации**
- **Виктор Астафьев и «сибирский текст»**
- **Творчество Виктора Астафьева и региональных писателей в подростково-юношеском чтении**
- **Наследие Виктора Астафьева в библиотеках и музеях.**

В рамках конференции состоятся:

круглый стол «**Литература и канон: какие произведения становятся классикой?**»

посещение Мемориального комплекса Виктора Астафьева в селе Овсянка

По итогам конференции будет издан очередной сборник избранных материалов. Также избранные материалы конференции будут размещены в национальной информационно-аналитической системе «Российский индекс научного цитирования».

К участию в конференции приглашаются литературоведы, историки, культурологи, искусствоведы, преподаватели средних специальных и высших учебных заведений, учащиеся, студенты, аспиранты, молодые учёные и специалисты учреждений культуры.

Организаторы: Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края совместно с Красноярским государственным педагогическим университетом имени В. П. Астафьева

На родине писателя, в селе Овсянка, работает **Библиотека-музей В. П. Астафьева**, в 1994 году построенная по инициативе и при активном участии Виктора Петровича. Астафьевская библиотека-музей ведёт активную работу по сохранению, исследованию и популяризации наследия выдающегося земляка, сотрудничая с библиотеками, музеями, учебными заведениями, издательствами, журналистами, исследователями, деятелями литературы и искусства.

28 марта 2002 года в честь В. П. Астафьева назван астероид **11027 Astaf'ev**, открытый в 1986 году советским астрономом Л. И. Черных.

29 ноября 2002 года был открыт мемориальный **дом-музей** Астафьева в селе Овсянка. Документы и материалы из личного фонда писателя хранятся и в Государственном архиве Пермской области. Дом-музей Астафьева есть также в Чусовом.

30 ноября 2006 года в Красноярске открыт **памятник** Астафьеву. Скульптор — Игорь Линеви́ч-Яворский. Литературный музей в Красноярске носит имя Астафьева.

В Красноярске на доме 14 микрорайона Академгородок, где писатель жил и работал с 1980 по 2001 год, установлена мемориальная доска.

В Перми на доме 84 по улице Ленина, где писатель жил и работал в 1960-х годах, в Вологде на улице Ленинградской, где жил Астафьев, на здании железнодорожного вокзала города Чусового установлены мемориальные доски.

Недалеко от трассы, ведущей из Красноярска в Дивногорск, расположен памятник, представляющий собой огромного осетра, рвущего сети, — рыбу, которой посвящён один из самых знаменитых рассказов писателя — «Царь-рыба». Вокруг памятника находится небольшая площадка для отдыха и смотровая площадка с видом на протекающий внизу Енисей и на Овсянку. Автором проекта скульптурной композиции является красноярский предприниматель Евгений Пашенко.

Именем Астафьева названы школы в Дивногорске, в Игарке, в Железногорске, в посёлке Подтёсово, красноярский лицей № 19 (бывшее ФЗО-1, которое окончил писатель), Красноярский государственный педагогический университет, библиотека в г. Чусовом.

Имя Астафьева носит танкер (бывший «Ленанефть-2035»).

В Новосибирске на Затулинском жилмассиве открыта библиотека имени В. П. Астафьева.

Документальный фильм «Виктор Астафьев» (Ленинградская студия документальных фильмов, 1984, реж. М. Литвяков).

Документальный фильм «Жизнь на миру» (1992, режиссёр: Кузнецов В.).

Документальный фильм (2010, реж. Андрей Зайцев) «Виктор Астафьев. Весёлый солдат».